22
К
81.2Хат
К 17 3

И. ПАПАНИН

ПОЛЮСНЫ

УЧПЕДГИЗ 1940

И. Д. ПАПАНИН

НА ПОЛЮСЕ

На хантыйский язык перевел В. АЛАЧЕВ
Под редакцией К. ХВАТАЙ-МУХА

Рисунки Н. КУЛИКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР · ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1940

220.997

И. Д. ПАПАНИН

ПОЛЮСНЫ

Ханты ясынга ханшса В. АЛАЧЕВНЫ
К. ХВАТАЙ-МУХА редакция ил'пины

Н. КУЛИКОВ рисунокыт

270-090.

-036308-
Краеведческий
ФОНД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР · ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1940

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

К 82Х2А
П17
М192-3

НЯВРЕМЫТА

Родна тынынг нявремыт!

Нанг пел'ангел'ын амыт вантта. Нанг тамись оинг пораны ул'л'ыты! А ма хун ай нуптэм нумыл'мыл'ем — л'авырта йил'.

Ма Севастополь вошны, Черна сёрыс (Питы сёрыс) хонынгны сэма питсым. Асем матроса ус. Ангкем портны л'авырт поршит ёнтыс.

Хун манэм нивыл' тал' питыс, ма школая масыим. Ма яма унл'тыйл'сым, ям ученика (унл'тыйл'ты нявремa) усым. Ма унл'тыйл'та шенгк л'ангхамысым.

Но хун нял' класс хол'тсым, асем лопыс:

— Нангыт Ванюша, школа эвыл'т вута мосл'. Сив кашинг тал' кат шоит сохымта, хол'ся л'ывыт вута? Ма хосемны нанг хут хоят. Мана ропитта, асена нётты хоя ул'а!

Нэмол'ты ант верл'ын. Завода мансым. Ма токарь вера унл'тыйл'сым.

Л'авырт ропота ус. Сыры ар тахета китыйл'ты поха усым. Китыйл'саим тыве-тохе, хоя шок антом, а 10 вохны хатл' мар миинсаим. Па маныт шокатсыт. Ситы ус, лопл'ыт:

— Ученик (унл'тыйл'ты няврем), заклепка мия-сар!

Л'увыт сора ал'емыл'ен, а л'ув нох кутырман. Ма хол'л'та питл'ым, кутыртым л'уйл'ама пол'л'ым, а ма лаккангем няхл'ыт.

Ар шокатыпсы ус. Мунг, ученикыт (унл'тыйл'ты нявремыт), ванкутл' сэнгксаюв.

Но ил'ампи ма токаря питсым.

Сял'та ма хон армияя, флота, вусыим. Казарманы усым. Казарма мет тюрьма ус. Атым эпыл', хулы, атма л'апытсаюв. Офицерытны матросыт л'явл'ыптысаит па си киньси сэнгксаит. Кашинг ал'ы ай вер пата мунгыт шокатсыл'ал', ханнэнгхоя ант л'унгытсыл'ал'. Нумл'ем, ий пуш ай йивпохем ёхтыс, хатл' шуп ворот хосьны сялыс (хол'л'ыс) ма ат вохсаим л'ул'н. А хун ма л'ув хосел'а этсым, л'ув потыртл':

— Иван, ангкев антома йис.

Л'ув сялэмыс, ма па сялэмысым. Л'ув сялыл' па потыртл':

— Иван, а шуитты хоят антом, ёхта шуитта!

Ма начальство хоси мансым, вохл'ым:

— Ваше благородие, ангкем шуитта эсл'е!

Ант эсл'л'ел'! Хул'ым сёс вохантсым. Ювол'ынга эсл'саим, туп сора ёхл'ы керитта партсаим. Ма вураны восинг лот хырта алэмысым па хухыл'ман ёхл'ы казармая мансым.

Ой пата, симись ул'пыс парыс.

Революция ёхтыс. Хол'ты буржуит! Хол'ты хон! Белыит пил'ны л'ял'ь ол'ынгтыйл'ыс. Л'ыв йил'па мунг нумпевны хон па генералыт омсыптыта вутсийл'сыт.

Ма хув белыит пил'ны л'ял'иссым; бронепоездыт версым, комиссара ул'сым, командира ул'сым. Ар пал'тап вер манэм ул'та ёхтантыс.

Ий пуш ма пил'хоем пил'ны белыит ёшны тайты мува (тыла) л'онгсым. Мунг тота красна партизанска отрядыт версув. Ёхл'ы манта порая йис. Но белыит ёшны тайты мув эвыл'т этта л'авырт ус. Ма хырыя понсаим па л'ант хыр юкана парохода л'ел'саим. Л'ант Турцияя тусы. Тота ма айл'та хыр эвыл'т этсым па родинаема ханяя манта питсым. 21 хатл' мар курны репыт хуват ма мансым. Ма л'умытсохл'ам

тохсыт. Ма нуша хоя йисым, вошитны нянь вохсым. Сит пата Советска Россия хоси ёхытсым. Рутсисым, па паси фронта л'ял'иста мансым!

А сял'та, хун белыит ий пуша Советска мув эвыл'т вошитсыл'ув, ма Овса мансым. Манэм тота мустыс. Ма тота мол'тыкем тал' ул'сым.

Ма иса мол'ты омат хувашик овса манта л'ангхамысым.

1937 ол'ны ма номсэм сирны питыс. Ма полюсны начальника усым. Мунг нял' хоят ярытъянг тылысь мар енгк ухтыны усув. Мунг тох товарищ Сталинны китсаюв. Мунг л'ув партым верл' версэв.

Но Овысны хол'на ар вер. Нанг, нявремыт, иса ил'ампи полярникыта питта л'анхал'л'ыты. Но сит пата нангел'н энымта мосл', аршик юр акытта па арсыр отыта унл'тыйл'та мосл'.

Тынынг нявремиет! Унл'тыйл'аты, унл'тыйл'аты и унл'тыйл'аты. Школа хол'таты сял'та вуз хол'таты. Овыс нэпекынг ёх вохыл'. Л'ув нэпекл'ы ёх атма вул'л'е. Сит пата ученыит, культурна ёхыт л'ув яма вул'л'е. Па иса л'ув тасьл'ал', матотыт л'ув л'ыпел'ны ханятманыт, л'ув мунг велика родинаев пата мал'л'е!

ПИТЫ ПАЛАТКА

Там хул'ым ол' ёхл'ы ус. Велика летчик Чкалов шенгк л'авырт вер номыс верыс—полюс эл'ты Америкая манта.

Но товарищ Сталин л'увел' лопыс, сыры полюс оша верта (унл'тыта) мосл'. Тох ям полярникыт китта мосл'. Ат тота мол'тыкем пора ул'л'ыт, ат иса хоты мосл' оша верл'ыт (унл'тыл'ыт), ат ай китл'ыт, муйсыр тота турым л'ол'. Сиртны и манта рахыл'.

Па товарищ Сталин мет ям мунг странаев летчикыт акытсыл'е. Л'ув л'ыв пил'ел'ны потыртыс: рахыл' муй антом самолетны полюс унта ёхытта? Рахыл' муй антом тота ил'ы тал'та? Рахыл' муй антом полюсны мол'тыкем пора ул'та?

Летчикыт потыртсыт:

— Рахыл'!

Шенгк си верны знаменита летчик Водопьянов отимман ус. Л'ув потыртыс:

— Мунг хосевны ар шенгк ям самолет. Мунг хосевны ар шенгк ям летчик. Л'ыв самолет шивыт па пал'нгыт мухты, кантынг иськины па патлам атны тута хошл'ыт. Полюс унта ёхытл'ыт. А тота енгк ухтыя тал'л'ыт па зимовщикыт эсыл'л'ыт.

Па ёх ант веритсыт:

— А роман енгк рохнемыл'?

— Антом, тота нуптынг енгк, кул'!

— А роман самолетыт ант ёхытл'ыт?

— Ёхытл'ыт, моторыт юрыт, ямыт!

Хув потыртсув.

Товарищ Сталин иса нумысыс па полюса манта эсл'сыл'е. Иса л'еситыйл'та питсув.

Ма полюсны зимовка начальника версаим. Ма амытман усым. Шоп, ма усэм, мунг л'авырт вер номыс версув. Хоты полюсны хол'на нэмхоят пул'янга ант ус. А муй арат хоят л'ув унтэл'а ёхытта вутсийл'ыс! И иса хась па сорма питсыт.

Норвегия полярник Нансен хул'ым ол' мар Овыс хуват янгхыс, ситы полюс унта и ант ёхтыс. Русь путешественник Седов кат

ол' енгкыт кутны янгхыс, ситы и ант ёхтыс, сорма питыс. И па ар хоят янгхыс!

Но ма ант пал'сым. Ма усэм: иса л'ыв сорма питсыт сит пата, что л'ывел' нэмхоят ант нётыс. Тасинг ёх л'ывел' вох ант масыт.

Мунг хосевны — янас вер. Мунг нётл'аюв иса мирны, мунгев нётл' сам товарищ Сталин.

Ма рома усым. Хота па ант л'икмыс советска гражданин — унтны, сёрысны, хар тахины — родинаил'ны л'ув ант хийл'а, родинаил'ны л'ув л'ыл'л' этл'тыл'а!

Ма пил'ёхл'ам — Кренкель, Ширшов, Федоров — акытсыл'ам па лопсым:

— Я, йивпохиет, нумыста питл'ув муй мунгев полюса мосл'!

Кренкель лопыс:

— Манэм ям радиостанция мосл', л'ул'н ма полюс эвыл'т радио хуват Москва пил'ны, иса ёх пил'ны, иса мув пил'ны потыртта ат мошитсым.

Ширшов лопыс:

— Ма Ледовита океан мал'атл'ал' оша верта (унл'тыта) питл'ым. Манэм лебедка хув этпынг тросик (вась этпынг кел') пил'ны, микроскоп и па ермакынг хол'пыт (ермак сухым

эвыл'т тыим хол'пыт), па арсыр приборыт мосл'.

Федоров лопыс:

— Ма хусыт па хатл' посны артатта питл'ым, хота мунг ул'л'ув. Хол'та енгкны мунг тул'ыюв вантта питл'ем. Манэм ар астрономическа прибор мосл'.

А ма лопсым:

— Нявремиет, мунг полюса тал'ынг тал'а манл'ув. Мунгев ям палатка и радио пата электричество, и резинова хопыт, и л'ыпет (посудаит), и папиросыт, и л'аймыт, и па ар арсыр от мосл'. Мунгев л'етот запас мосл'. Но л'етот мунг патангев янас сирны л'еситта мосл', сит пата шимыл' тахи ат вус л'ул'н па антат шакыс л'ул'н.

Мунг патангев иса версыт. Кат ол' кеша л'етот плиткаит кубикыт хорасыпа л'еситсаит. Ветсот лимон пасиртса, янг кило лимон йингк тывыс. Шенгк ям палатка версыт. Туса мераитты приборыт л'еситсыт. Ям самолетыт л'еситсыт.

Хун иса л'есимман ус, ма лопсым:

— А интам, йивпохиет, иса артатта мосл'. Я, мол'ты тахины Москва ванпысны ул'та питл'ув метмол'ты полюсны па иса артатл'ев.

Мунг пормысл'ув машиная л'ел'ысыл'ув па Москва кимпия мансув. Тал' ус. Лакка л'оньсь ол'ыс. Ма хар лот пирийсым:

— Муйны полюс антом!

Палаткаев нох лосхийта питсэв. Юхыт така л'осьсув, парусина, тохтынг нюлак пун эвыл't верым хор тал'сэв. А ситыт-ухтыя тал'сув питы брезент новы ханшипсэт пил'ны: **„Нептыйл'ты станция".**

Сял'та мунг полярна л'умытсохл'ув: ошнет, пунынг веит, тал' милыт л'умытсув. Па ул'та питсув, метмол'ты пул'янг полюсны.

Мунг рота л'етот л'еситсув. Кавырты йингка кубик ювытл'ув, хошим йингк тывыл'. Кимит плитка эвыл't котлета тывыл'. Хул'мит эвыл't—компот. Иса шенгк эпл'ынг ус.

Ширшов па Федоров приборыт артатсангын. Кренкель радиостанция верыс па Москва па янас вошит пил'ны потыртта питыс.

Етн л'ув лопыс:

— Иван Дмитриевич, рахыл', ма сёс кеша Москвая янгхл'ым?

Ма номыл'мысэм:

— Теодорыч, нанг ёремысэн, мунг полюсны ул'ты верев ол'ынгны.

Эрнст ай нях мукны няхийл':

— Но хоты Москва ванны.

Па л'ув Москвая маныс. Шоп, сёс ювпины, л'ув ёхтыс.

Хут хатл' мунг Москва кимпины ул'сув.Иса артатсыл'ув: пакмыл' муй антом палаткаев? Ям муй антом радиостанцияев? Ямыт муй приборыт? Хошмыт муй л'умытсохыт?

Иса ям ус. Мунг Москвая ёхл'ы керитсув. Ма лопсым:

— Мунг полюса манта л'есимманыт!

МАНЛ'УВ!

Москва аэродромны нял' ун воздушна корабль ий пунгыл'ны омысл'ыт. Па ий айшик самолет. Л'ув ухтэл'ны ий летчик сырыя разведкая манл'.

Мунг пил'евны шенгк ям летчикыт: Водопьянов, Молоков, Алексеев, Мазурук, Бабушкин манл'ыт. Мунг пил'евны замечательна штурман Спирин манл'.

Моторыт маратмысыт. Вихрь ал'мысыс. Мунг кабинаит л'ыпия л'онгсув. Ям ул'ым верты ёх милл'ал'ны ревийсыт, увсыт:

— Оинг пант! Оинг зимовка! Ям ул'ым ясынг Арктикая!

Нэмхоят ант увыс: „Нэпек ханшаты"; хоты полюсны почтова отделение хол'на антом. Сит пата иса Кренкель эвыл'т вохсыт:

— Ванкутл' радиограммаит мияты!

— Памуй. Оинга хасяты!

Итны итны л'авырт машинаит нох ал'мысл'ыт. Манл'ув! Полюса манл'ув!

Ма иса пал'сым — тармыл' муй антом мунгев л'етот? Роман ант тармыл'? А полюсны хоты магазин антом. Шоп, мунг иса муй мосл' — па нёхи, па фруктыт, па колбасаит, па эпл'ынг отыт сопасл'ысув. Си киньси пельменит усыт. Но манэм метмол'ты хол'на шимыл'. Летчикыт потыртсыт:

— Иван Дмитриевич, тармыл' л'ел'тыта, мунгыт, шал'ита.

А ма хитроя версэм. Иса тахета: марыкнгын л'ыпия, омысты тахел' ил'пия, сэвыса арсыр л'етот тэвытсым.

Ин мунг Холмогоры воша ёхытсув. Турым атым, ел'ы манта ант рахыл'. Ма л'етотыт вантта номыс версым. Пельменинг банка нох пушсым — а тота нюры нянь шум. Мелка йис, па пельменит шаксыт. Сит пата мунг л'ывыт хол'т воськысл'ув. Летчикыт няхийл'ыт:

— Муй, Иван Дмитриевич, пельменл'ан — ау!

— Туви. Пельменит юкана мис вул'ым.

Ма шенгк л'ангхамысым полюса л'ыл'ынг мис тута. Па пурысьле тута.

Но летчикыт ант л'ангхамысыт мис самолета л'ел'тыта:

— Нанг, Иван Дмитриевич, слон тусын л'ул'н!

Сиртны ма мис сахсэнг кенасые сив тёрнгытл'ым:

— Там, пельменит юкана.

Мис сахсые л'ыв вусыт.

Турым ямашик йис, мунг пурыл'сув. Нарьян-Мар воша ёхытсув. Водопьянов ма хосема йил':

— Иван Дмитриевич, мис сахсыены мойл'ыптэ.

— Пожалуйста.

Кенас вул'ым, а л'ув шенгк кены. Ангкырмысым — тал'ы. Муйсыр пись? Иса няха тухынсыт:

— Мунг нангыт л'епыл'сэв, Ваня ака!

Сютэвыл'т л'ыв кенасны ханяя вус версыт па турпа хуват айл'та мис сахсы тал'ыйл'ысыт ситы иса па шепсыл'ал'.

Ма потыртл'ым:

— Антом, ант л'епыл'сэл'н, сит пата ма мис сахсы юкана там кенас хул'ны шавийл'ем.

А сам нумысл'ым: „Хул'иет — сит нанг вусые

036308

270.090.

мухты ант шепл'ыл'ын". Летчикыт вантл'ыт— ма пил'емны вурасьл'ыта л'авырт. Л'ывел' самолета хул' вута ёхтантыс.

Йил'па моторыт маратсыт. Ел'ы — Рудольфа пухыра пурыл'сув.

Рудольфаны мунг мол'тыкем хатл' ул'сув. Атым турым л'ол'ыс па ел'ы манта ант рахыс.

Мунг пил'евны манты йил'ып л'ухыс уйтсув. Там ай номсынг амп — сибирска амп ус, тыинг пал'ып, калась иты ёвыртым л'ывып. Л'ув сыинга мунг пел'ева хорытыс. Хоят лопыс:

— Там амплэ эвыл'т шенг ям полярник этл'! Кашинг амп!

Ситы нэмыл' па хасис: Кашинг (Веселый).

ТАМ Л'УВ, ПОЛЮС!

Ювол'ынга, турым хар систама йис, хатл'...
Манта рахыл'. Интам тунга полюса!

Сора машина л'еситсэв. Л'ув шенгк арта л'ел'тыман ус. Аэродром Рудольфаны шома сёрыс нумпины ил'ы сохнэмыл'. Мув эвыл'т мосты пораны нох менманта мосл', па сирны — сорым.

Но руль хосьны замечательна летчик Советска Союз Герой Михаил Водопьянов омсыс. Л'авырт машина кена пурл'ыс. Мунг нумыныт. Пантэв — полюса.

Там 21 майны 1937 ол'ны 4 сёс 52 минутаны ус.

Шенгк карысьны манл'ув. Ий кемны моторыт марийл'ыт. Мунг нел'ынга ил'ы вантл'ув. Но тота пал'нгыт. Па итны пал'ынг хулыт, „ишнет'" кал'л'ыт. „Ишнет" мухты енгкыт, енгкыт, енгкыт иплал'ыт...

Ситы хут сёс манл'ув.

Роман штурман Спирин па Женя Федоров ий турны увемыснгын:

— Полюс! Мунг полюс нумпины!

Па ёшны Водопьянова ал'сангын:

— Там л'ув, полюс!

Водопьянов самолет ил'ы тул'л'е. Иса ил'ы, ил'ы... Пал'нгыт мухты мансув. Л'ыв ил'пел'ны— шив. Ювол'ынга шив хол'ас. Водопьянов енгк шуп тал'ты пата пирийта питыс.

Хув новы енгкыт нумпины лакка янгхыс, вантыйл'ыс. Ювол'ынга, л'ув ун енгк шуп пирийс па л'ув нумпел'ны янгхта питыс, артатыйман, хотсат туса тал'та.

Машина шенгк л'ел'ны.

Л'охнгын енгка ханымсангын, хатымыснгын, па машина вол'емыс.

Мунг иса, 13 хоят, енгк ухтыя эсл'ымсув, кутл'ув, кутл'увны ёшл'ув пасиртта питсув, кутл'ув, кутл'увны апытл'ыта мосл'тыта, ишикта питсыл'ув...

Манэм увл'ыт:

— Иван Дмитриевич, полюс куся, вуяты нанг тасьл'ан!

Ма вантыйл'л'ым. Лакка енгки харет. Там

л'ув—полюс, матот пата си арат пал'тапл'ы путешественник сорма питыс. Матот ант путлыты ота л'унгытса. Интам полюса мунг, большевикыт, сыры пурымсув.

Кренкель радиостанция верыс. Но мол'ты тота тахыртыс. Сёсыт манл'ыт, а радио хол'на ант ропитл'. Иса рома ант ул'сыт: мунг полюсны, а нэмхоят там ол'ынгны ант ул', па мосынг нумысл'ыт, что мунг сорма питсув. Кренкель мунгыт вол'ытсыл'е:

— Ал' пал'аты л'есьмыл'.

Ийхосьянг сёс ювпины радиостанция ропитта питыс. Мунг амытсув па иси пул'янг товарищ Сталина полюс эвыл'т ол'ынг радиограмма масув.

ЗИМОВКА ОЛ'ЫНГТЫЙЛ'ЫС

Ропота кавырмыс. Хой л'оньсь эвыл'т кармысь эвл'ыс, хой л'ыв эвыл'тэл' радиостанция пата стена шавийс, хой самолет эвыл'т пормысыт хол'т вус, хой ухыл' лосхиис...

Мин Петр Петрович пил'ны, вурася хойсомын — муй кул'ал' енгк? Енгк пухытсомын, пухытсомын, хус пуш шангкмийл'саймын, ювол'ынга йингк унта ёхытсомын. Енгк хул'ым метра мол'тас кул'ал'.

Шенгк ям, ул'та рахыл'!

Сора мунг хосева хасим летчикыт: Молоков, Алексеев, Мазурук ёхытсыт. Л'ыв лебедка, палатка па Веселый тусыт.

Амп йил'ып тахи хуват хухл'ыйл'та питыс, нёл'л'ны хирантта эпсэмыта питыс. Иса няхта питсув:

— Веселый полюс эпсыйл'.

Летчикыт л'ыв патангел' ай кен палаткаит версыт. А мунг питы ун палаткаев л'оньсьсэв. Там палатканы мунг Москва кимпины ул'сув. Мунг л'увыт нох акытсэв, нох такамтсэв, парусинаны тал'сэв, сохны тэрмытсэв, кухняны версэв ким хотны вэрсэв, па шенгк яма тывыс.

Кренкель няхыс:

— Шенгк ям хот, иса отл'ал' муйл'ал'ны... Ледовита океан кутл'ыпны.

Мунг тох касл'сув па ул'та питсув. Палатка кимпины пухрем сыясис, вот шухыс, а мунгев хошим, ям ус. Мунг керосинынг тут хосьны омыссув, эпл'ынг отыт л'есув, Москваев, пил'ёхл'ув, ротл'ув нумыл'мийман...

— Там антом палатка,—мунг хотэв летчикытны ишикса,—там пул'янг „дворец советов".

„Дворец советов" ванпысны радиостанция енгки „дворец" омсыс. Сит пунгыл'ны мунг вотынг „мельницаев" тохыл'нгытны ревемыс. Л'ув ювпел'ны л'еты отытны тэл'тыман ухыл' омсыс. Тал'ынг вош хулы тывыс. Палатка пунгыл'ны вурты флаг товарищ Сталин портрет пил'ны ревийса.

16 хатл' парыс. Иса, мунг нял' хоят тохыл'пев, ёхл'ы панта л'еситыйл'та питсыт. Ма вохсыл'ам:

— Ал' тэрмататы, па ул'аты. Мунг хосевны ям.

— Антом, пумасипа! Мунг нангыт тусл'ув, шоши верта нётсыл'ув, ёхи манта порая йис.

Л'ыв шавеста питсыт. Ма летчикыт хоси янгхсым па иса вохсым:

— Муй нанг хосел'нны ары манэм мияты. Нанг сора ёхи ёхытл'ыты, а мунгев тата иса мосмытл'.

Л'ыв масыт — хой сюкун ан, хой кастрюля, хой ветра. А Мазурук си киньси патефон мойл'ыптыс, па вурты патефон л'ангытны ханшис:

„Хой ари панны шушийтман утл',
Си хоят нэмхунты па нэмхол'ты
ант тохатл'".

А хой мойл'ыптыта ант вутсийл'ыс, ма л'увыт пал'таптысэм:

— Иса вул'л'ам (хоръял'л'ыл'ам), ий л'ыпи ай ернас пушны эсл'л'ыл'ам, все равно нангел'н, нохл'ы (юга) манта.

Хоты полюс эвыл't хол'та ант манл'ын, иса нохл'ы (юг).

Ям ул'ым верты л'еты пасан вутпины ма потыртсым:

— Нанг манл'ыты, мунг хасьл'ув. Хувын люпитты родинаев эвыл'т. Но мунг самл'ув ийвол'апа иса мунг странаев пил'ны, большевистска партия пил'ны, мирев пил'ны ул'л'та питл'ыт.

Ювол'ынг пуш мосл'тыйл'л'ув, ювол'ынг пуш апытыйл'л'ув.

Машинаит мунг нумпевны маратсыт. Мунг милл'ув ревийл'ув:

— Па ям ул'ым, ям ул'ым!..

Па самолетыт лангксыт. Мунг — атэл'т!

— Я, йивпохиет, — ма лопсым, — зимовка ол'ынгтыйл'ыл'.

Кренкель наушникнгын л'умтыс, Федоров астрономическа турпая вантта питыс, мин Ширшовны лебедка хоси мансомын.

„Овыс полюс" станция ропитта питыс.

КАНАЛ „МОСКВА—ПОЛЮС“

Ропота ар ус.

Мунг „л'оньсинг“ верыпсыя вуянтсув. Л'оньсь эвыл'т мунг кармысит эвыл'сув па кухня версув. Л'оньсь эвыл'т Ширшова научна ропота пата хотые версув.

Л'ететыт пил'ны ар вер ус. Мунг иса мунг сапасл'ув хул'ма ортсыл'ув па ар енгк ол'нгыт лакка шавийсыл'ув. Енгк шуп лонгхемыл' ки па ий склад шуитл', муй л'ув енгкны тапыл'л'а — пал'тап антом! Мунг хосевны хол'на катн хасьл'.

Л'ететл'ув мунг л'оньсся лотсыл'ув антат л'ул'н шаксыт. Но хатл'ны мунг „потым хотл'ув“ шукатл'аит. Ол'ынг мар л'ув лангкийта ант л'ангхамыс па мунг нумпевны рутситы такл'ы хутл'ыс. Ил'ы ол'л'ув — хатл', нох китл'ув — хатл'. Ийвол'апа хатл'. Мунг туп сёс посны оша версэв хун ал'ынг, етн па ат.

Хатл' си кема кутыртыс, что л'оньсь л'етотыт пил'ны бидоныт ванпысны л'ол'ас. А хоты тота мунг хосевны йил'ып хул' пурысь нёхи — ситы па ванта шакл'ыт! Мунг сопас л'етотл'ув йил'ып тахия тал'та питсыл'ув.

Мунг ухыл'а кирыссув па, мет ям л'овыт, ий пуша 25 потны тал'сув. Йингки, нёсы сит си ванглытыйл'л'ув, кериттийл'л'ув, — но мунгыт кашинга верман, тал'л'ув. Ропота л'авырт ус, симись ропота эвыл'т, хоты лопта, сэмыт венш сяка этсыт!..

Йингкны мунг тунгматсаюв. Иса л'ол'ас. Енгк шуп ухтыны мал'нгыт па сёрсыт усыт. Мунг л'ыв хуваттэл' мунг резинова хопевны янгхсув.

Палатканы йингки илынг ус. Л'умытсохыт йингка йисыт. Л'ывыт нох сорл'тыты тахи ант ус. Сорым тахи ант уйтл'ын. Курыт ил'пины йингк пуштемыс. Но мунг сит эвыл'т ант пал'сув, няхсув, кашинга усув. Мунг хосевны тамись ус: нанг унтэн л'ыпины кашл'ы ки, оша ал' веранта, такамтыйл'а!

Мунг „дворецев" пунгыл'ны пул'янг ёхан овыс. Ма инженера йисым па сохл'ыт эвыл'т мост версым.

Но „ёхан“ иса вутнга йис, палатка ил'пия ёхытта питыс. Ма канал верта номыс версым. Порти вусым па енгк хуват — палатка эвыл'т енгк хул унта енгк хуры пухытсым. Ситы ма палатка эвыл'т йингк ий пелыка тусэм.

Пил'ёхл'амны ма енгк хурем шенгк ям нэмны масы: канал „Москва — Полюс“.

„КУРКЫТ“

Хатл’ ант ийвол’апа полярна хатл’ны хутл’ыс. Ванкутл’ л’ув пал’нгытны лап тал’сыйл’са, йингки л’оньсь питыйл’ыс. Ванкутл’ пухрема ювынтыйл’ыс, мунг палаткаев л’оньсьны лап сэвыйса. Но мунг атым турыма ант вантсув. Сутка мар 17—18 сёс ропитсув.

Мунгев ар оша верта мосыс. Муй мал’ат океан полюсны? Муй верантл’ йингк ил’пины? Океанны муйсыр йингк па хол’та л’ув овыл’? Ул’л’ыт муй антом л’ув л’ыпел’ны л’ыл’ынг воет? Хол’та мунг енгкевны тул’ыюв?

Ар вопрос ус. Си вопросыта туп ун ропота ювпины ёхл’ы лопта мосл’. И мунг ропитсув.

Мунг лебедка хосьны ропитсув. Этпынг проволока ол’ынга Ширшов сетка (хол’пие), термометр па арсыр приборыт йирыс. Иса л’ув си отыт омлэпа эсл’ыйл’сыл’е, сит пата мет

йингк ил'пи эвыл't йингк вута, вантты пата муйсыр л'ув па муй л'ув л'ыпел'ны ул'л'. Л'авырт (груз) сёрыс юр унта хув маныс. Сял'та мунг лебедка нур тёрнгытсэв, па л'увыт нох ал'ымсэв. Там шенгк л'авырт вер ус. Хут сёс мар ийвол'апа мунг, кутл'ув кутл'увны нётман, лебедка тёрнгытсэв. 15 минута мар Федоров па ма тёрнгытл'омын, 15 минута мар Кренкель па Ширшов. Мет ун иськетны симись ропота эвыл't мунгев шангк ус, мунг хась л'ыпи ернасл'ув унта энгхысыйл'сув.

Сит пата оша версэв: океан полюсны нял' километр молтас мал'ат ус. Там вер мунг оша версэв. Сыры нэмхоятны ант усы муй мал'ат океан полюсны.

Петя Ширшов сёрыс йингкны пунгыл'ны усийты рачёк, медузыт па ар янас ай л'ыл'ынг воет уйтыс. Тами па мунг оша версэв. Хоты сыры нумыссыт, что полюсны нэмол'ты л'ыл'ынг ул'пыс антом. Ширшов л'ув уйтым отл'ал' банкаита, лис банкаита понсыл'е па амтытл'ыс.

Мунг ар ропитсув. Сит пата, мунг сял'та шенгк така ол'сув. Кренкель ийвол'апа ювын дежуритыс, ал'ынга мунгыт нох куритсыл'е:

— Куркыт, кил'аты!

Л'увел' ёхл'ы — сыинг турытьл'ыпсы сясьл'.

— Куркыт, — етэм тайта мосл'!

„Куркыт" турытьл'ыл'ыт, мет л'ыв верел' антом.

Кренкель мет кантынг тигр мунгев напыттыйл'л':

— Кил'аты, муй ма нанг пил'ангел'н ёнтта питл'ым!

Сиртны мунг ол'ты хырет эвыл't ким этл'ув. А Теодорыч ил'ы ол'л'. Хоты л'ув иса ат ант ол'ыс радио хосьны омсыс, кашинг сёсны вантыйл'та ким этыйл'ыс, енгк хул ул'л' муй антом, йил'ып хота манта ант ки мосл'.

Мунг завтракаитл'ув (ал'ынга л'ел'ув) па ропотая вуянтл'ув. Петя муй хатл'а, а па итны суткая омлэп хоси манл', муй л'ув склянкал'ал' (лис банкал'ал') пил'ны тарынтл'. Л'ув ийвол'апа тота мол'тыл'ал' тыве-тохе шошмийл', рувытл'ыл'е, метмол'ты аптекарь.

А мин Женяны вош „хулыя" ким этыйл'л'омын. Оша верта мосл', хота мунг ул'л'ув. Хоты мунг ий тахины ант омысл'ув. Мунг енгкев айл'та мунгыт полюс эвыл't йира тул'л'е, л'ув ноптыйл'л'а. Мунгев тами ант кал'л', мунгев

кал'л' метмол'ты мунг ий тахины омысл'ув. Женя Федоров л'ув приборл'ал' хатл' есял'т шашийл'ыл'е па „адрес" (хота мунг ул'л'ув) лопыл':

— Тамхатл' енгкев вет километра маныс!

Муй янг, ветхосьянг километра лопыл'. Мунг енгкев па итны паста маныс, па итны айл'та маныс.

Ма ийвол'апа л'увел' нётсым. Л'ув маныт турым хар пел'и вантыйл'та унл'тысл'е па хотсат ям муй атым турым ханшта ал'сыл'е. Женя мол'ты омат палатка эвыл'т ант этл' ки, ма л'ув патангыл' иса верл'ем. Хоты кашинг хатл', муй па ант ус, муйсыр турым полюс хосьны, радио хуват мата мосл'.

Ма амтыйл'сым, что ма пил'емны Теодорыч, Петя па Женя китсаит. Л'ыв шенгк яма ропитсыт. Ванкутл' кат сутка мар ант ол'л'ыт пухремны, ертны, шивны тарынтман ропитл'ыт. Мунг ар осьхось (ям) отыт наука пата тусув.

Петр Петрович—ун ученый. Женя па пул'янг ученый. Иса мосты хусыт л'ув ул'л'е па нэмл'ал' сирны па хота муйсыр хус ул'л' иса ул'л'е, метмол'ты л'ув сам л'ывыт ун турым хар хуват омсыпл'ыл'е...

Эрнст—замечательна радист.

Симись нётты ёх пил'ны сорма ант питл'ын!

„ПОЛЮС ПОТЫРТЛ'"

Радио хуват мунг кашинг хатл' Москвая турым ол'ынгны сводка масув. Радио хуват мунг мунг уйтым верл'ув масув. Тами шенгк мосл'. Мунг пил'евны мол'ты тывыл' ки, мунг ропотаев ант тохатл'. Л'ув ул'ы. Радио хуват кашинг ат „ювол'ынг аит" хул'ынтсув. Тами мунгев газета юкана ус.

Радио хуват Москва па Ленинград мунг патангев ям концертыт верынтсангын. Мунг наушникыт л'умтыйл'сув, люпитты арет, музыка хул'ынтсув, па сам айл'та арийсув.

Радио хуват мунг оша версэв, что мунг Верховна Совет депутатыта пирийл'аюв. Хоты мунг амтыйл'ысув, хоты мунг ишкасьсув там ун честьны!

Радио хуват мунг ротл'ув пил'ны, имил'ув пил'ны, л'ухысл'ув пил'ны потыртсув,

и метмол'ты л'ыв ваннаит, мунг пунгл'-л'увны.

Ий пуш Кренкель ат дежуритмел' ювпины, ил'ы ант ол'ыс. Мунг умыся тухынсув:

— Теодорыч, муя ол'та ант йил'ын?

Л'ув наушник л'умтыс, мунгыт ант хул'ынтл'. Роман л'ув веншл' вуситыс, л'ув няхийл', туп мунг пел'ева ант няхыл', а янас хоят пел'и. Мунг па наушникыт ал'емысув. Хул'ынтл'ув — ай няврем турие.

— Теодорыч, там хой?

Л'ув тёпиил':

— Хусл'ы, там ма эвем!

Иса ошинга йис. Ай Люся радио хуват л'ув асел' пил'ны потыртл'! Л'ув яма, туса потыртыс, ий пуш ант тахырмийл'ыс. Оинг аси Кренкель сял'та хув воимта ант мошитыс!

Мунг радиоев шенгк л'авыл'сэв. Радио такл'ы мунг родинаев эвыл'т иса мир эвыл'т менмансув л'ул'н. Нэмхоят л'ул'н мунг ол'нгевны нэмол'ты ант ус, и мунг нэмол'ты л'ул'н ант усув.

Сит пата мунг радиоев л'авыл'сэв, мет ангки нявремл'. Ванкутл' л'увыт систамтсэв,

вантыйл'сэв. Шимыл' мол'ты тывемыл', иси пул'янг нох л'еситл'ев. Па радиоев яма ропитыс.

Но па итны роман вот тэвынмийл'. Вот антом. Вот „мельницаев" маркыт вол'ыйл'ыт. И мунг радиостанцияев вол'ыйл', радио пата ток ант мал'. А сята „Правда" пата статья мата мосл'. Хоты ул'та?

Мунг ёш (па сирны кур) мотор вусув. Л'ув велосипед хорасыпа верман. Кутл'ув, кутл'увны нётман, мунг инар ухтыя омсыйл'сув па „янгхсув", перкат нур хорасып нур тёрнгытысэв. Статья маты пата мунг кат сёс па сёс шуп мар „янгхсув" па шенгк туймийл'сув.

Сит пата мунг статьяев мосты пораны этыйл'ыс.

Кренкеля ар па л'авырта ропитта ёхтантыйл'ыс. Хун замечательна летчик Чкалов полюс эл'ты Америкая маныс, Теодорыч кат хатл' наушникнгын ант энгхысыйл'сыл'е. Мунг л'ув пунгл'ыл'ны омыссув, волновайтыйл'сув. Кренкель хул'ынтыс:

— Чкалов Рудольф пухыра манл'.

— Чкалов Рудольф пухыр нумпины.

И ювол'ынга:

— Чкалов Рудольф пухыр мансыл'е.

Мунг амытсув. Л'ув сора мунг нумпевны питл'. Мунг Чкалов самолет шивал'л'ев. Валерий мунгев нэпекыт, газетыт, журналыт ювытл'.

Мунг ант вол'ыйман, турым хар пел'и вантсув. Но л'ув, метмол'ты ӈэман, ийвол'апа пал'нгытны лап тал'са. Мунг Чкалов самолет марынг сый хул'сэв, но вантта л'увыт ант вантсэв. И мунг Чкаловны ант вантсаюв.

Ма нях кеши Петя па Женя л'явл'ыптысл'ам:

— Там вер, йивпохиенгын, иса нын эвыл'тэл'н ує. Ант мошитсыл'ын систам турым хар л'еситта. Си киньси турым ул'ы хойнгын!

Хун Громов Америкая манта актысис, мунг радио хуват ротл'ува лопсув:

— Громов пил'ны мунгев посылкаит, нэпекыт, книгаит — муй л'ангхал'ыты китаты!

Мунг енгк ухтыны кал'ы пос верта номыс версув, сит пата л'ул'н Громовны мунг ат касятсаюв. Краска пил'ны мунг ухыл' вусит л'оньсьны рохынтийл'ман, тал'сыл'ув па шенгк яма л'увыт курасьны тырсаттысэв. Ун вурты лак версув. Л'автысл'ув. Кренкель радио хосьны омысл', а мунг ант пакман турым хар пел'и вантл'ув. Мол'тыкем сёс парыс. Громов си-си кал'ымл'. Роман Кренкель лопыс:

— Хул'ынтаты Громов радиограмма мал': „Арктика завоевайтым ёха — ям ул'ым ясынг!"

— Ям ул'ым ясынг пата пумасипа, — мунг потыртсув, — а хота л'ув сам?

Сял'та мунг оша версэв. Хоты Громова полюс эл'ты Америкая манта мосл', а мунг полюс эвыл'т каттэм сот километрая ий пелыка тусыюв.

Ситы Громов мунг мойл'ыпсыл'ув пил'ны Америкая маныс.

„ДВОРЕЦ СОВЕТОВ“

Хатл'ыт мансыт. Мунг хут тылысь енгк ухтыны ул'сув. Си арат па хасис. Но мет л'авырт вер ел'ы. Полярна хатл' хол'ас. Октябрьны мунг хатл' ювол'ынг пуш касятсэв. Хув иськи, полярна ат ол'ынгтыйл'ыс. Полюсны ий ол' шуп хатл', ий ол' шуп — ат.

Мунг тал' сирны л'умытл'ысув. „Дворец советов“ л'ыпины тэкныма йис. Ар тахи ошнет, молыпсяит, курткаит, посыт, „тупрет“ вусыт. „Тупрета“ мунг вохсыл'ув сурл'ал' эвл'ым шенгк ун катансаит. Симись „тупретны“ оса ий ол'ып няврем йингкны певл'ыптыта рахыл'. Па тупренгына галошайнгын — „пароходнгын“ л'умтыптыйл'сайнгын.

Тамись тэкным кутны л'автысыйл'ман л'умытыйл'та мосыс. Мунг ийвол'апа нумсэв: хыр л'ыпия омысман, пасан сунга ухенны ал' хоя. Хун фуфайка л'умытл'ын, хоймынг л'ыпи

па Ширшов ай кев анэт ал' шошема. Хун иса л'оватэна л'ол'ын, хот л'ангыт гайкаит эвыл'т л'авл'ыса.

Но мунг мунг „дворецева" унл'тысув. Ямса пелыкны ов эвыл'т — Кренкель „кабинет", радиоприемникыт, инструментыт. Пува пелыкны — „буфет". Хот харны Ширшов л'арасит йингкл'ал' пил'ны. Л'арасит ухтыны хулэнг кастрюляит.

Стена хуват кат йитны — койкаит. Койкаит кутны пасан. Лампа нумпины — карты л'ыпи. Кренкель ийвол'апа си карты л'ыпи потым колбасаны поныйл'сыл'е. Колбаса тота л'ол'амыс, хошмыс. Мунг хосевны мет ям магазиныт киньси ямшик: мунг ийвол'апа каврым колбаса тайл'ув. Сит пата йингк верны атым.

Л'унгн иса тахины йингк ар ус. Мунг сит эвыл'т шокасьсув. А тал'н мунг шокасьсув, что нэмхол'ты йингк антом, ий йингк сэм антом!

Мунг л'оньсь эвыл'т йингк л'ол'тыйл'сув. Л'етот верты пата примусны хув л'оньсь л'ол'тыйл'та мосыс. Сит пата мунг йингк шатитыйл'сэв, л'авыл'сэв, хув кутны л'охытсийл'сув па ванкутл' обед муй ужин ювпины л'ыпет ант л'охытсийл'сув...

———

ИСА КАШЕТ ПРОФЕССОР

Мунг хасевны доктор ус, л'ув аптека заведующийя, па медицинска сестрая, па́ иса кашет профессора ус. Там Ширшов ус. Петр Петрович туп мол'тыкем л'апыт „доктора" унл'тыйл'ыс. Полюса манты ел'пины л'ув больницая янгхыс, хотсат операция верл'ыт вантыйл'ыс.

Петр Петрович кантынг профессора ус. Сит пата мунг кашитта пал'сув и хасьпа ант кашитсув. „Доктора" мунгыт тунгматта туп кат-хул'ым пуш ёхтантыс.

Ий пуш Женя Федоров л'увыт атма хул'-мысл'е. Ширшов л'увыт хул'ыӈтта питсыл'е, мет пул'янг профессор. Манэм си киньси марсяма йис вантта.

— Л'ыл' тал'а!

Женя л'ыл' тал'ыл'.

— Л'ыл' ал' тал'а!

Женя л'ыл'л' катл'сыл'е.

— Лопа: а-а!

— Нял'мен ал'е!

Женя нял'мыл' ал'сыл'е.

— Ну-с, ситы, — „профессор“ лопыс, — л'умытыйл'а. Иса ошинг. Банка омыста мосл'. Сора.

А мунг ун банкаитны масыюв, стакан л'уваттэл'.

„Профессор“ ун тут вуситыс, хась палаткаев вуситсыл'е. Тут банкая лукемысл'е па Женя шанш ухтыя понсыл'е. Куняр Федоров шанш сох мет банка паты унта тал'са. „Профессор“ кимит банка омсыс. А хул'мит банкая Женя хосьны шанш сох ант тармыс. Л'ув иса банкайнгына тал'са.

Мол'ты омат ма шаншем кашенга йис. Ма потыртл'ым:

— Профессор Ширшов, мол'тыя манэм л'ыл' тал'та л'авырт.

Петр Петрович докторска турпа вус, ёрынга хул'ынтсыл'е:

— Иван Дмитриевич, нанг л'ыпенны мол'ты ётрал'. Скипидарны нэрта мосл'.

Доктор лопыл' ки, сит верта мосл'. Ма

энгхысыйл'сым, вул'ы сох ухтыя ол'сым. Ширшов ёш патл'а скипидар шошмыс. А „профессор" ёшнгыл', сэм есь лопта, хулэнгнгын уснгын — восэнгнгыг, селэнгнгын... Л'ув маныт нэрта питсыл'е. Муйсыр симись вер? Скипидар эвыл'т „профессор" ёшнгыл' систама йиснгын, сит пата ма шаншем ишпынга йис, мет зебра шанш.

Ил'ампи л'ув маныт тунгматсыл'е.

Хун мунг СССР Верховна Совета пирийсаюв, Днепропетровск вошны, Ширшов родинаны, нявремыт арийсыт:

Иса — ун ёх, нявремыт,
Голосовайтаты Петр пата,
Петра Петрович пата,
Ширша Ширшович пата.

Мунгев сит ол'ынгны радио хуват лопсыт, па мунг Петяев йил'ып нэмны вохта питсэв: „профессор Ширшович".

„Профессор" и сам стихыт верта люпитс.

Ий пуш ма вантсэм: палатка кутл'ыпны „Ширшович" л'ол'. Л'ув ел'пел'ны Веселый. Ширшов самынга потыртл':

— Муйсыр от мосл' хуньта
Нанг сэмнгыл'ан пил'ны
Ма ампием?
Ма вантл'ем, ма ул'ем,
Нанг номыса тухынсын
Сэм йингк унта,—

па кашинг стих строчка ювпины Веселыил' колбасаны мойл'ыпл'ыл'е. Веселый самынга л'ывыл'ны ревийл', амтыл'ыл' па иси пул'янг ошинг, что Ширшов стихл'ал' л'ув номсыл' сирны...

———

МОЙПЫРЫТ

Веселый пул'янг полярника ус. Л'ув, хасим л'етотл'ал' л'онься хырман, сопас верыс. Л'ув номсынг, ошинг ус, туп шимыл' тотмыс. Л'ув ванкутл' мунг тумл'ува л'онгтыйл'ыс. Ма ий пуш л'увыт катл'сэм: л'ув хурийман, нёхи хырыс. Ма л'ув пил'л'ны, сэм есял'т лопта, ёнтта ант питсым па хоты мосл' сэнгксэм:

— Па пуш тыв ал' янгха!

А л'ув муй верыс? Сэнгкмем мар л'ув пакыс. А сял'та пантл'ал' лап туты пата, лакка километра молтас маныс, па йил'па тума л'онгыс.

Л'увыт ухыл'а йирта ёхтантыс. Но тами иси атым ус. Симись вер мунг хосевны ий пуш тывыс.

Мол'ты омат Кренкель ювын палатка эвыл'т ким этыс па роман туви сыр турны увемыс:

— Мойпырыт! Нэ мойпыр кат мойпырие пил'ны! Сора кил'аты!

Си пораны мунг ол'сув. Но там пуш мунг шенгк сора л'умытыйл'сув, ким эстымсув. Вантл'ув: Эрнст пушкан эвыл'т ёвра курып воета л'якыл', а томет курл'ал' эсл'ман хонтал'ыт. Мана, катл'а л'ывыт л'ывл'ал' эвыл'т!

Муй си пораны Веселый пил'ны ус! Л'ув ортытьл'ыс, маншаньсис л'ув ювпел'ны л'авырт ухыл' тал'сыл'е. Ма сора л'увыт л'арпемысэм. Л'ув мойпырыт хоси тутынг нёл' иты хухыл'мыс, но мунг хухыл'мев мар, л'ыв пантл'ал' потсаит.

Мунг палаткаев хоси керытсув. А Веселыев хол'на хув енгкыт хуват хухл'ыйл'ыс. Туп хул'ым сёс ювпины ёхтыс. Иса ненгхрамыс, тенгхпасл'ыс, мунг хосевны нотысыс, метмол'ты л'ув виноват, мойпырыт эсл'ым вер ухтыны.

— Вел'пысл'ыты вер, йивпохиет, ёремысэв!— ма лопсым.

— Шоп,—Петя ёхл'ы лопыс,—интам атым антом йил'ып мойпыр нёхи л'ул'н л'ета!

Теодорыч няхытыс:

— Вел'сув, муй ант вел'сув, там ай вер. Ун

вер тами, что мунг мойпыр ими, па си киньси мойпыриет пил'ны вантсув!

Мунг потыртта питсув. Тата мойпырыт ул'л'ыт ки, сиртны и нерпаит ул'л'ыт. Си киньси мойпырыт нерпа рувны ул'л'ыт.

И шоп. Мол'тыкем хатл' ювпины ма йингк хулны нерпа шивал'сым. Я сар, нумысл'ым, нерпа вурык л'ел'ув. Пушканны эсл'сэм, хойса. Но вел'ым нерпаем овны енгк ил'пия тусы. Хоты шал'ь ус!

Мунгев и сёрыс шовыр—лахтак л'икмийл'ыс. Там „шоврие" 18—20 кем пот нёхи тайс. Ий пуш ма ар сёс пушкан пил'ны йингк хул хосьны омсым, пакман шовыр л'авыл'сым, нумыссым: „Шоврие кал'ымл' ки, пил'ёхл'ам йил'ып шовыр нёхыны мойл'ыптыл'ам!"

Хув л'авл'ысым, иса потсаим, но отшам „шовыр" ситы и ант кал'ыс!

Ма маныт вол'ытсэм:

— Там шок антом! Сит пата шенгк мосты вер оша версув: сыры ситы нумыссыт, полюсны нэмол'ты л'ыл'ынг от антом. Си киньси знаменита Нансен ситы нумысыс. Но л'ув ошибка верыс. Муй арат арсыр л'ыл'ынг вой мунг тата вантсув! Петя кашинг хатл' сёрыс

юр эвыл'т арсыр ай воет нох тал'л'. Мунг хосева маркынг воет: халэвыт, пуночкаит, чистикит... ёхтыйл'сыт. Мунг лахтак, нерпа, мойпырыт вантсув...

Полюсны ул'пыс ул'л'! Ситы и ханшл'ев!

Ма ёхи палаткаева керитсым, дневник ханшта омсым. „Овыс полюс" станция начальник пата, ма кашинг хатл' иса муй тывынтыс ханшсым. Па итны туймыпсы эвыл'т ропота ювпины ёш эвыл'т перо хол'т кериттис, но ма ханшсым. Иса ант ханштэм унта, ил'ы ант ол'л'ым.

ВЕЛИКА ЕМЫНГ ХАТЛ'

Л'апытмит ноябрьны мунг иса странаев пил'ны Велика Октябрьска социалистическа революция хусмит ол' емынг хатл' версув.

Туш хахырты кешет сурытыйл'ыт, мойтэк нявырны веншл'ув лап лангксаит, одеколонны авыл'. Мунг ол'ынг пуш хоты мосл' л'охытыйл'сув. Етн мунг систамыт, емынг хатл'ынг „пасан" вутпины омыссув. Пасан арсыр л'етот эвыл'т картямыс. Муй тота туп ант ус! Па кат сыр конфета, па тюка верым мис эсым йингк, па сыр, па путпыт нянь, па си киньси торт шуп, матот мунг емынг хатл' кеша л'авыл'сэв.

Вет сёс ал'ынг унта каш пушны омыссув. Ил'ы ол'сув. Но яртъянг сёсны мунг иса нумын ул'сув. Сора шай яньсьсув. Сорашик радиоприемник хоси, сорашик родна Москваев хул'ынтта.

Янг сёс. Па мунг Спасска башняны сёс сэнг-

кты сый хул'л'ев. Мунг хусл'ы кутл'ув, кутл'увны няхийл'ув.

— Хусл'ы!—Кренкель тёпиил'.—Ворошилов этл'!

Нарком площадя этл'. Мунг си киньси л'ув л'овыл' курым сый хул'л'ев. Хул'л'ев Ворошилов л'ял'ь ёх (войскоит) лакка янгхыл'. Ура-а!.. Оркестрыт нэрл'ыт, танкыт куврал'ыт, самолетыт марийл'ыт...

Лампа патлама л'ел', палатканы ий градус кем иськи, а мунг лап ёврытсийман омысл'ув Москва хул'ынтл'ев мунгев сясийл' метмол'ты мунг иса мир пил'ны Красна площадьны ул'л'ув.

Сял'та мунг мунгы демонстрация версув. Сырыя ма СССР флаг пил'ны шушсым. Ма ювпемны винтовкал'ал' пил'ны—Ширшов, Кренкель, Федоров хатыссыт.

Мунг товарищ Сталин портретып знамя ил'пины шушсув. Ма ван потыр лопсым:

— Мунг хувыныт. Но мунг родинаев эвыл'т ант менмантсув. Мунг мосл'аюв и мунг нумл'аюв. Тата, ноптыйты енгк ухтыны, мунг иса мунг велика мирл'ув пил'ны амтынг емынг хатл' версув.

Ракета вусемыс, пушканыт похта питсыт. Там мунг салютэв емынг хатл' пата ус.

И Веселый яма емынг хатл' парл'сыл'е. Мунг л'увыт палаткая вохсэв, кашинг хоятны л'ув сосисканы масы, л'ув тарымл'ел' унта л'ес, сял'та сохыт ухтыя ол'ыс па воимса.

А мунг хув радио хосьны омыссув, хувын ул'ты па мосты Москваев хул'ынтсэв, хота си пораны мирынг демонстрация ус.

„ТРОЛЛЕЙБУС“

Мунг богатырита вохсаюв. Радиограммаитны мунг л'унгытсув:

„Мунг богатырьл'ув Овыс полюсны...“

„Мунг полярна богатырьл'ув пал'тапл'ы ноптыйл'аит...“

Пил'ёхл'ам ма ел'пемны, ма ай пал'аттэм пата няхсыт:

— Ям богатырь! Лопа, Митрич, хун трибуная потыртта хунгхийл'л'ын, курнгыл'ан ил'пия л'арась омсыйл'л'ын?

Ювол'ынга мунг мунгев богатырь нэмыт пирийта ястысув. Кренкель — мет карысь пата — вохсэв Илья Муромеца, Ширшов — Алеша Поповича, Федоров — Соловей-Разбойника. А ма мет ям нэмны масыим: Руслан и Людмила.

Ий пуш пухремны кат „богатырь“ — „Руслан и Людмила“ па „Илья Муромец“ — йингк хул хоси мансангын. Тота километра вушны палатка

эвыл'т мунг йингк вантыйл'сув хол'ыпны сёрыс воет вел'сув... Вот ус. Шенгк патлам. Мин вурана йингк хул унта ёхытсомын, Ширшов приборыт матысман вантсыл'омын, вот есял'т ёхл'ы керитсомын. Шенгк ун пухрем ус. Сеп фонарие тут тюк л'оньсь мухты хутл'ыта ант мошитыс.

Мин мансомын, мансомын, а палатка иса антом. Мин па итны вот есял'т па итны вот шаншны мансомын (рунгксомын), ант ул'ы енгк шупыт хоси ёхтыйл'сомын ванглытьсомын, кертытьсомын, нох ал'мысыйл'сомын, па кертытьсомын. Хул'ымкем сёс парыс (маныс). Мин вевл'ы йисмын. Ол'та л'ангхамысмын.

— Кашл'ы вер, Илья Муромец, тывыл', — потыртл'ым ма Кренкеля.—Мин хоты л'омытсомын.

Кренкель пакман айл'та потыртл':

— Сам хасьпа, лопсын: „дрейфовайтта (ноптыйл'та), но ант дрейфитта" (ант пал'та). Я, па шимыл' „дрейфовайтл'омын".

Паси рунгкта питсомын. Роман ма куремны сохыл'а ванглымсым.

Сора мин палаткая уйтантсомын. Кай, муй ям л'ув л'ыпел'ны хошмыл'тыйл'та томтытьтим ат ювпины.

Ал'ынга ма ангкл'ыт л'оньсьсым па йингк хул эвыл'т палатка унта л'ыв ухтэл'ны хув кел' (шунши) тал'сым. Интам л'омытта ант рахыл'.

— Тами ям,—Ширшов лопыс,—интам мунг хосевны, мет ун вошны — мунгы троллейбусна линия тайл'ув.

И нял' „троллейбус"—ма, Кренкель, Ширшов, Федоров—йингк хул хоси лебедка тёрнгыттыта, Ледовита океан мал'ат оша верта йил'ып линия хуват мансув...

———

ПУХРЕМ

Ропотаны пора ант уйман маныс. Йил'ып, 1938 ол' питыс.

Мунг систамтыйл'ты вер версув. Теодорыч л'оньсь эвыл'т кат кастрюля тэл' йингк л'еситыс. Мунг тушл'ув хахырсыл'ув, ухл'ув л'охытсыл'ув, куншсыл'ув. Ма Кренкель хосьны энмым „сэвнгын" нох л'орсыл'ам.

Ун Мув радио хуват мунгыт йил'ып ол'ны поздравляйтсыл'е. Ма нохыр сэм, шоколад, сыр... нох вусым. Кашинг хоята 35 конфетны „Мишка овысны" масл'ам. Йил'ып ол' „бал" шенгк ямаманс. Туп, шоп, хул' юх ант ус...

Январь тылысь кутл'ыпны мунг вурты хуньл' шивал'сув. Тами ал'ийл', полярна ат парта питыс. Мунг амытсув! Ил'ампи полярна ат мунгев атым верс. Мунг шимыл' л'ел'ув, атма ол'л'ув. Сорашик л'ул'н хатл'! А там мар шенгк иськи л'ол'. Пухрем иса тарма пол'л'!

Мунг „дворец советэв" л'ангтыл' унта л'оньс-

сьны сэвыйса. Веселый оса хот л'ангыт хуват шушийл'. Л'ув пухрем шенгк ант люпитсыл'е. Хун пухрема йил', мунг Веселыев ненгхрата питл', пухрем нох тэвынмыл'— и Веселый хусл'ы питл'.

Но л'ув хув кутны тэвынмийл'ыс. Ванкутл' симись пухрем ул'ыйл'ыс, что кат курым вушны кутл'ув кутл'увны ант кал'л'ув. Симись пухремны палатка эвыл't ким ант этл'ын. Но Женя Федорова енгки хотыены ропитта мосл'. Л'ув хосел'ны тота иса приборл'ал'.

Сиртны мунг номыс версув. Заступыт, сарет вусув па л'оньсь ил'пины хув пант хырсув. Тунель тывыс. Шенгк метро хорасып, туп мув ил'пины антом, а л'оньсь ил'пины. Интам мет кантынг пухремны Женя л'ув хосел'а ропитта янгхыл'.

Но ийвол'апа л'ув ропитта ант мошитыс. Мунг енгкев ситы нёхатса, что иса приборыт торийсыт.

Пухремны мунг енгкев иса паста тусы. Мунг нохл'ы (юг) хонынг пел'и тусыюв. Си киньси потыртта атма йис, мунг Овыс полюсны ул'ты ол'нгевны. Мунг енгкев полюс эвыл't хува тусы.

Мунг ийвол'апа мет шоврыт л'есимман ул'л'ув. А роман енгк шуп хойл' па лонгхе-

мыл'? Роман л'етот запасл'ув (тумл'ув) менманл'ыт? Мунг ант хурийл'ув, ал'ы ант л'ангхал'л'ув пал'тапны ант уйман антат вусыюв л'ул'н.

Ма ухыл' л'еситсэм, иса мосты отыт акытсыл'ам. Очередь сирны ол'та питсув.

Но мунг кашинга ул'сув.

Ванкутл' Петя Ширшов мунгев Маяковский стихыт эвыл'т л'унгтыс:

...Миянта, пухремынг вот,
Миянта, атым пухрем, —
Нум полюс
Оша верл'ем,
А овыс —
Сит ил'ампи.

Л'оньсь сыинга мунг палатка л'ангтэва питыс. Па итны ма нумыссым, метмол'ты мунг куип л'ыпины ол'л'ув. Камын шухынг, энгытты, картяты сыит сясьл'ыт, метмол'ты пушка эвыл'т л'якл'ыт муй метмол'ты ун самолет моторыт марийл'ыт. Кашинг пораны енгкев шукатта мошитл' муй тохсыт тёрымтта па мунгыт л'ув пил'л'ны тал'та мошитл'. Но йивпохиет ант пал'сыт. Иса мунг нупытл'ув хуват ар пал'тап усув па ийвол'апа мунг нох питыйл'сув. И тата мунг верев нох питл'.

ИШПИЕТ

Нумты ат питыс — ол'ынг февраль хатл'а манты ат. Ма воимта ант мошитсым. Пухремны ма ийвол'апа атма ол'сым, иса хул'ынтсым, енгкев ант ки шукатл'. А пухрем вот хул'емит сутка пол'л'.

Кренкель дежуритыс па ийситы ант ол'ыс. Л'ув потыртл':

— Муй, Дмитрич, ант войтанл'? Я, ёнтл'омын.

— Ёнтл'омын!

Шакматыт омсыптысл'омын па ёнтта омыссомын.

Палатка кимпины тарым вот нох си шухыл'. Л'оньсь стенаил'а сэнгкасьл'. Петя па Женя ол'л'ангын. Кренкель туса ёнтл', ма муйкем юр тайл'ым л'автысл'ым. Мин хув омысл'омын. Веткем сёсны роман хул'л'емын — палаткаев картял'!

— Хул'л'ен, Теодорыч?

— Хул'л'ем, Дмитрич! Янгха, нанг янгхты верен!

— Айл'та, сята янгхты вурек антом. Манл'ым, вантл'ем муй вер.

— Омса, Дмитрич, ма этл'ым!

Л'ув ким этыс, а ма ант ул'ем, муй верта: муй янгхты пант нумыста, муй пил' ёхл'ам нох куритта? Кренкель ёхи керитыс, л'оньсь л'ув эвыл'тэл' ревийта питыс.

— Нэмол'ты ант кал'л', патлам, — л'ув сохыл' хоси омсыс, — иса ям, ел'ы ёнтта питл'омын.

Ма янгхсым. Си пораны палатка паси картимтыс. Тами ям вер антом. Ма Петя па Женя нох куритта питсыл'ам:

— Кил'атн, нявремнгын, мол'тыя мунг палаткаев пал'тапынга картямыл'.

Женя ухыл' хыр эвыл'т ким лукемысл'е хул'ынтыйл':

— Ма сиремны, Дмитрич, там л'оньсь тапыл'л'.

А Ширшов потыртл':

— Манл'ым, вантл'ем. Ма сэмнгыл'ам нанг сэмл'ын киньси ямшикнгын.

Л'ув тэрмат л'умытыйл'ыс па ким этыс. Янгхыс янгхыс, сял'та ёхи керитыс па айл'та лопыс:

— Там тэньсь антом, там мунг енгкев ант кашасьл' мунгыт ел'ы тута. Иса тахетны вась йингк хулыт, мет питы змеит тывсыт!

Сята мунг иса нял' хоят понарыт пил'ны ким этсув. Вот венша хойс, кур эвыл'т ил'ы пол'л'аин, л'оньсь сэма шошмыл' (л'емыл').

Новы лакыт мунг курл'ув хоси питсыт, па мунг шивал'сэв — мунг енгкев ишпиетны лангкса, метмол'ты л'ув кешины сюръятсаса.

— Хоятны мунг енгкев шакытса, — Теодорыч лопыс. — Манл'ув, стакан каврым шай яньсьл'ув, потыртл'ув, хоты ул'та.

Мунг палаткая каремысув, примус вуситсэв. Шай пут хошмыл'тыты мар Петя па йингк хулыт пел'и вантта этыс. Сора л'ув ёхи хухл'ыс па потыртыл':

— Пил' ёх, мунг йингк „ишпиел'ув" там л'уваттыя йисыт, веткем метра вутаттыя.

Мунг примусэв лап хурытсэв па иса енгк ухтыя ким этсув. Йингк хул атэл'т ант ус. Тота, антенна ил'пины, мунг кимит шивал'сув, сял'та хул'мит. Ит л'ыв эвыл'тэл' мунг палат-

каев ил'пия л'онгыс. Мунг енгк харев ар шука лонгхемыс...

— Йивпохиет, хун лагерь лакка манл'ыты,— ма лопсым,— кат пел'и вантатын, йингк хула ал' рохнематын. Нанг эвыл'тэл'ын хоят пил'ны мол'ты тывыл' ки, ситы л'унгл'атын кат хоят тохатыс — манэм сиртны ий ситы ёхи ант керытта. Хоты ма иса нанг патангел'ын ответчайтл'ым.

Москвая мунг радиограмма китсув:

„Ул'ты палаткаев ил'пины йингк хул т ывыс Л'оньси хота касл'та питл'ув. Яха потыртты вер менмантл' ки, ал' пал'аты (нумысаты). Мунг хосевны иса яма питл'".

АЙ ЕНГК ШУП УХТЫНЫ

Енгкев иса ай шука тохыс. Мунг ил'певны йингк хул иса уна энмыс. Палаткаев йингкны манта питса.

— Йивпохиет, касыл'ты порая йис, — ма лопсым, — там хотны ул'та пал'тапа йита питыс.

Мунг мунг „дворец советэв" ювытсэв, там дворецны мунг нивыл' тылысь мар шенгк яма яха ул'сув па ермак палатканы ул'та питсув.

Интам мунг футбольна площадка л'уват енгки харны ул'сув. Енгкыл' пил'ны и мунг л'етотл'ув менмансыт. Ий пуш Женя па Петя касятсангын (шивал'сангын), что л'ыв эвыл'-тэл' мол'тыкем л'етот шукатым енгк шуп ухтыны ноптыйл'аит. Мунг ухыл' вусув. Мет акробатыт ий енгк эвыл'т янас енгка эсл'ыл'-сув, па мунг пормысл'ув и л'етотл'ув л'авыл'-

сыйл'л'ув. Интам мунгев л'етот хул'ым тылысь кеша тармыл'.

Мунг вантсэв, хоты мунг керосинаинг бидонл'ув ноптыйл'саит, но л'ывыт вута ант мошитсув. Мунг вантсэв, хоты шукатым отыт кутны мунг лебедкаев ноптыйл'л'а. Л'увыт ий ситы вута омат антом.

Тарым вот иса пол'ыс. Шенгк тарым вотны ермак палаткаев менымса. Мунг л'оньсь эвыл'т хотые версув. Иса мунг л'етотл'ув пормысл'ув ухыл'а шавийсыл'ув. Пал'тап минута пораны л'ывыт кена ий тахи эвыл'т янас тахия тал'та.

Л'авырт пора ус. Мунг енгк шуп ухтыны, а лакка л'оньсьны лангкым йингк. Рохнемыл'ын— вот вурны пил'ёхл'анны ант хул'мыл'аин, ант касятл'аин па патлам кутны ант уйтл'аин. Сиртны мунг енгк шупев ол'нгыл'ны питы флажекыт л'оньсьсув. Тами дежурныит пата, хун л'ыв лагерь лакка янгхл'ыт л'ул'н антат рохнемысыт.

Мунг пал'сув муй антом? Шоп, шимыл' пал'сув. Но мунг усэв: муй па ант тывыс, мунг родинаев мунгыт шока ант .хайл'ыл'е.

Мунг радио хул'ынтсув. Ин енгкыт мухты,

тарым вотыт мухты мунг хосева ай „Мурманец“ тэрматл’. Ин енгк шукатты пароходнгын „Таймыр“ па „Мурман“ эстысngын. Ин сёрыса енгк шукатты ун пароход „Ермак“ эстысыс. Л’ыв иса мунг хосева нётта тэрматл’ыт. Нётыпсы ванна. Лыпта ант питл’ув! Иса ям! „Овыс полюс“ станция ропота ел’ы манл’!

Ястым пораны Эрнст турым ол’ынгны сводка мас. Женя вантыс сит ол’ынгны, хол’та мунг енгк шупевны тул’ыюв. Петя, хоты ийвол’апа, океан унл’тыс (оша верыйл’с).

Ий пуш Женя палаткая л’онгемыс па увемыс:

— Этаты! Мойпырыт ёхытсыт!

Эрнст ант веритыс:

— Ладно! Ладно!

— Сорашик! Веськат ясынг мал’ым!

Ма пушкан ал’емысым, хотые эвыл’т ким этмысым. Шоп—мойпырыт! Тал’ынг хул’ым!

Веселый хорытыс, ёвра курып воет кутны ёврытыйл’ыс. Ма пал’сым, что пуля л’увел’ хоил’.

Пушкан шашсэм, л’якта питсым. Иса хул’ым понсыл’ам. И Веселыя ант хойсым.

Ма ун кастрюля тэл’ мойпыр нёхи кавыртсым.

Обедаитта омыссув. Йивпохиет иса тарелкал'ал' мал'ыт:

— Манэм, Дмитрич, аршик!

— Манэм тэл'ынгашик!

— Манэм па порция!

Ма нумыссым: мойпыр нёхи нял'кем хатл'а тармыл', а йивпохиетны ий хатл' мар иса кастрюля тэл' нёхи хол'са.

ХОЛ'ЫЕВА, ХОЛ'ЫЕВА, ХОЛ'ЫЕВА...

Хул'мит февральны мунг ол'ынг пуш ар тылысь ювпины хатл' касятсэв. Л'ув ун, вурты, енгки хар сай эвыл'т ангкырмыс. Мунг амытсув.

Но си киньси шенгк амытсув, хун ий пуш ювын хувын прожектор луч (ёш) шивал'сув.

Л'ув сыры Кренкельны касятса. Мунг си пораны ол'сув. Эрнст мунгыт нох куритта вутсийл'сыл'е, но нумысыс: а мосынг сит ал' хус, сиртны ма нявремытны сех няхл'аим. Но хус иса нова, иса кал'ыя йита питыс. Теодорыч иса нумысыс па лопыс: антом, там хус антом, там советска корабль прожектор! Па мунгыт нох куритта питыс:

— Пил' ёх, пил' ёх, вантаты, муй тота хутыйл'!?

Мунг ким этсув вантыйл'сув.

Ура! Нётыпсы шенгк ванны, том, енгкыт сайны.

Ма патефон эсыл'сэм. Мунг люпитты арев хул'ынтсув:

Вутынг ма родна странаем...

А сял'та мунг хосева самолет ёхтыс. Ол'ынг самолет яртъянг тылысь мар! Летчик шенгк туса самолетл' енгк ухтыя омсыпсыл'е. Ма л'ув хосел'а хухыл'мысым. Там Власов ус. Мин апытмысмын, мосл'тысмын. Амыт эвыл't китымтак потыртта ант мошитсомын. Туп кутл'омын кутны ёшл'омын пасиртсыл'омын па иса апытыйл'сомын.

Власов мунгев нэпекыт, мандаринаит, пиво тус па кораблита мунг енгкев хоси пант ал'ийта ёхл'ы маныс.

Ал'ынга мунг бинокльны шивал'сэв: хувын енгкыт сайны пусынгие этымыл'. Там пароходыт. Л'ыв енгк хулыт хуват мунг хосева йил'ыт. Женя па Петр Петрович тушл'ын нох хахырсангын, сял'та тетрадь тайты ухыл' вантыйл'та питсангын. Там ухыл' мунгев л'ыл'ев киньси тынынг. Тата 52 килограмм ханшим нэпек. Там тетрадитны Ледовита океан па Овыс полюс ханя вер оша верман. Там мунг мойл'ыптэв наукая, мунг родинаева!

„Таймыр“ па „Мурман“ мунг енгк шупев хоси ёхытсангын. Нивыл'сот хоят пароход эвыл'т мунг хосева вурты знамя пил'ны хухыл'сыт. Мунг нял' хоят л'ыв хосел'а эсял'т мансув. Сёрысны, нэмхоят ант ул'ты Гренландия хонынгны, советска ёх хунсянсыт. Морякыт мунгыт апыл'мыта хухыл'та вутсийл'сыт... Но экспедиция начальник Остальцев команда мас:

— Рома! (Смирно!)

Л'ув ма хосема вана шушемыс, пайты л'ол'ыс:

— Правительство партым сирны, корабльнгын „Таймыр“ па „Мурман“ нанг ёшл'ын ил'пия ёхытсангын! Приказ л'авыл'л'ым!

Сит ювпины мунг апыттыйл'та, мосл'тыйл'та па куттыйта питсаюв. Кашинг хоят тарынтыс мол'ты нумты кеша вута. Ма хосемны куртка сюнгк менымса, Кренкель хосьны ай ернас сюнгк менымса. Нумты кеша консерва, шоколад, така потым, мет кармысь, книгаит вусыт.

Л'ыви рота (сам) вул'ыт па вохл'ыт:

— Мойл'ыптэ аны!

— Книжка харны ёш пос пона!

— Бульонна поталы мойл'ыптэ!

Ма л'ывел' лопсым:

— Иса вуяты, туп научна ханшим нэпекыт ал' ханаты.

Сита вурася тухынсыт — мата парохода мунгев манта. Таймырцыт потыртл'ыт:

— Юваты мунг хосева, мунг хосевны нанг патангел'ын каютаит ермакны тал'маныт, систам ванна (ун таз) л'еситман.

А мурманцытны мунг ий пелыка тул'ыюв па, няхман, пал'а тёпийл'ыт:

— „Таймыра" ал' манаты, тота, л'ыв хосел'ны тотэкынг.

Хол'та манта? Жребий ювытта ястысув. Нэпекиет ханшсув, мила понсыл'ув, туса вантсув, л'ул'н л'епыл'тыты вер антат ус.

Мин Кренкель пил'ны „Мурман" ханшим нэпекие тал'сомын, Ширшов па Женя — „Таймыр".

Веселый, хоты, „Мурмана" ма пил'емны маныс.

Морякытны иньсиссаюв:

— Иван Дмитриевич, Москваны Веселый хой пил'ны ул'та питл'?

Ма ёхл'ы лопсым:

— Мунг ястысув л'увыт Сталин эвия —

Светланая мойл'ыптыта. Иса мунг пормысл'ув корабльнгына тусыит.

Ма Кренкель хоси вана шушмысым:

— Теодорыч, ювол'ынг радиограмма мия!

Кренкель товарищ Сталина рапорт сит ол'ынгны мас, что „Овыс полюс" станция ропота хол'ас. Там рапорт ювол'ынг яснгыт:

„МУНГ СТРАНАЕВ ВУРТЫ ФЛАГ ЕНГКИ ХАРЕТ НУМПИНЫ ЕЛ'Ы РЕВИЙТА ПИТЛ'А".

Иса. Л'ел'тыста мосл'.

Кренкель радиограмма мас:

„ХОЛ'ЫЕВА, ХОЛ'ЫЕВА, ХОЛ'ЫЕВА. 19 ФЕВРАЛЬНЫ 1938 ТАЛ'НЫ 16 СЁСНЫ ОВЫС ПОЛЮС СТАНЦИЯ РОПОТА ХОЛ'ТЫЛ'ЕМ".

Л'ув проводыт (карты понэт, кел'ет) менмыс. Мунг пароходнгына мансув.

Ма ёхл'ы каремысым, па тусашик флаг такамтл'ем, сит пата л'ув вотны антат менымса л'ул'н, па сыры манты ёх эл'ты ёхытсыл'ам.

Па ям ул'ым, енгк шуп!

МОСКВА

Яртъянг тылысь мар мунг ол'ынг пуш хоты мосл' л'охытсыйл'сув. Яртъянг тылысь мар мунг ол'ынг пуш мунг эвыл'тл'ув пунынг сохыт ювытсыл'ув па ям костюмыт л'умытсув. Яртъянг тылысь мар мунг ол'ынг пуш пунынг хырет л'ыпины ант ол'сув, а шенгк ям норетны, хошим каютаитны ол'сув.

Матросыт мунг ол'ынгевны мет ай нявремыт ол'ынгны заботитыйл'сыт:

— Папанин, л'ета ант л'ангхал'л'ын муй? Кренкель, йингк яньсьта ант лангхал'л'ын муй? Музыка нанген ант торасл'ыл'? Ям муй антом нанген каютаенны?

Хун мин ол'сомын, мин каютайнгыл'омын мухты кур нёл'ны янгхсыт.

Сял'та мунг енгк шукатты парохода „Ермака" л'ел'сув. Тота мунг ол'нгевны ий ситы заботитыйл'сыт.

Ювол'ынга, ар хатл' ювмев ювпины мунг советска хонынг шивал'сув. Мунг родна мувева пурымсув. Ленинградны мунг мол'тыкем сот сёрыс хоятны хуньтсаюв.

Ситы л'ыви йивпохл'ал' хуньтта мошитл' туп могуча свободна мир. Яснгытны сит ол'ынгны иса ант лопл'ен.

Ин — Москва.

Москвичитны вош хулэт тэкмыл'тысыит.

— Папанинцыт! Вуся ясынг папанинцыта! Ура папанинцыта!

Цветыт, музыка, цветыт... Мунг Кремля манл'ув...

Сыры ма Сталин туп хувыл'та вантсэм, а ванны — нэмхунты.

Ма волновайтыйл'сым, шаншем хуват мет ай воет янгхл'ыт. Ма сырыя знамя пил'ны манл'ым, а родна йивпохиет, ма ювпемны. Мунг ун зала л'онгсув. Ин ма Сталин, Молотов, Ворошилов вантл'ым...

Ма товарищ Сталин хоси вана ёхытсым:

— Тынынг, шенгк люпитты, мунг родна Иосиф Виссарионовичев! Партэ нанген ай павытта, что мунг родинаев партым вер полюс оша верты ол'ынгны шенгк туса версэв!

Па сита ма нэмхунты ант ёремыты минутаем питыс: Иосиф Виссарионович маныт апытсыл'е па така мосл'сыл'е.

Волновайтыйл'ман, ма л'увел' вурты знамя масэм. Там знамя тота, Овыс полюсны, мунг пил'евны ус...

Приложение

И. Д. ПАПАНИН

НА ПОЛЮСЕ

К ДЕТЯМ

Родные, милые ребята!

Радостно смотреть на вас. Вы живете в такое счастливое время! А вот как вспомнишь свое детство — тяжело делается.

Я родился в городе Севастополе, на Черном море. Отец был матрос. Мать шила тяжелые паруса в порту.

Восьми лет меня отдали в школу. Я учился хорошо, был лучшим учеником в школе. Учиться мне очень хотелось.

Но когда я окончил четыре класса, отец сказал:

— Придется тебя, Ванюша, из школы забрать. Туда плати каждый год два рубля, где их взять? У меня ведь вас, бутузов, шестеро. Ступай работать, будь отцу помощником!

Делать нечего. Пришлось пойти на завод. Я учился на токаря.

Тяжелая была работа. Сперва был мальчиком на побегушках. Гоняли меня туда-сюда кому не лень, а получал в день 10 копеек. Еще издевались. Бывало, скажут:

— Ученик, подай-ка заклепку!

Быстро схватишь ее, а она — раскаленная. Я — в слезы, дую на обожженные пальцы, а кругом — смеются.

Много зверства было. Нас, учеников, то и дело колотили.

Но все-таки я стал токарем.

Потом меня забрали в царскую армию, во флот. Жил в казарме. Казарма была как тюрьма. Вонь, грязь; кормили плохо. Офицеры матросов ругали и даже били. За каждый

пустяк над ними всячески издевались, за людей не считали. Помню, прибежал однажды младший братишка, полдня плакал под воротами, чтоб меня вызвали. А когда я вышел к нему, он говорит:

— Иван, мамка умерла.

Он заплакал, и я заплакал. Он плачет и говорит:

— Иван, а хоронить ее некому, приди хоронить!

Я пошел по начальству, прошу:

— Ваше благородие, отпустите мать похоронить!

Не пускают! Три часа умолял, клянчил. Наконец, отпустили, только велели скорей возвращаться. Я едва успел вырыть могилу и бегом обратно в казарму.

К счастью, такая жизнь кончилась.

Пришла революция. Долой буржуев! Долой царя! Началась война с белыми. Они хотели над нами опять царя и генералов поставить.

Я много воевал с белыми; строил бронепоезда, был комиссаром, командиром. Много пришлось пережить опасностей.

Один раз я с товарищем забрался к белым в тыл. Мы организовали там красные партизанские отряды. Пора обратно, но выбраться трудно. Меня положили в мешок и под видом мучного куля погрузили на пароход. Муку повезли в Турцию. Там я потихоньку вылез из мешка и стал пробираться на родину. Двадцать один день шел я пешком по горам. Одежда на мне порвалась, я превратился в нищего, просил в городах хлеба. Зато добрался до Советской России. Отдохнул, и опять на фронт!

А потом, когда мы белых совсем прогнали с Советской земли, я поехал на Север. Мне там понравилось. Я там несколько раз зимовал.

Мне все хотелось забраться как можно дальше на Север.

В 1937 году моя мечта исполнилась. Я был начальником зимовки на полюсе. Мы вчетвером прожили на льдине девять месяцев. Нас послал туда товарищ Сталин. Его задание мы выполнили.

Но на Севере еще много работы. Вам, ребята, наверное, всем хочется стать полярниками. Но для этого вам надо вырасти, набрать побольше сил и многому научиться.

Дорогие детишки! Учитесь, учитесь и учитесь. Кончайте школу, потом вуз. Север требует образованных людей. С неграмотными он расправляется очень жестоко. Зато ученых, культурных людей он принимает хорошо. И все те богатства, которые в нем таятся, он щедро отдаст на благо нашей великой родины!

ЧЕРНАЯ ПАЛАТКА

Это было три года тому назад. Великий летчик Чкалов задумал очень трудное дело — лететь через полюс в Америку.

Но товарищ Сталин сказал ему, что сначала надо изучить полюс. Надо послать туда лучших полярников. Пусть поживут там, пусть разузнают все как следует, пусть сообщат, какая там погода. Тогда и можно будет лететь.

И вот товарищ Сталин собрал лучших летчиков нашей страны. Он советовался с ними: можно ли на самолетах добраться до полюса? Можно ли там сделать посадку? Можно ли пожить на полюсе?

Летчики говорили:

— Можно!

Особенно увлекался знаменитый летчик Водопьянов. Он говорил:

— У нас много замечательных самолетов. У нас много отличных летчиков. Они умеют вести самолет сквозь туманы и облака, в злой мороз и в темную ночь. До полюса долетят. А там сядут на лед и выгрузят зимовщиков.

Некоторые сомневались:

— А вдруг лед провалится?

— Нет, там лед вековой, толстый!

— А вдруг самолеты не долетят?

— Должны долететь, моторы сильные, хорошие!

Долго советовались.

Товарищ Сталин все обдумал и разрешил полет на полюс. Все стали готовиться.

Меня назначили начальником зимовки на полюсе. Я был рад. Правда, я знал, что дело мы затеяли нелегкое. Ведь на полюсе еще никто по-настоящему не был. А сколько народу пыталось до него добраться! И все почти погибли.

Норвежский полярник Нансен три года скитался по Северу, так и не дошел до полюса. Русский путешественник Седов два года бродил по льдам, так и не дошел, погиб. И еще десятки других!

Но я не боялся. Я знал: все они погибли потому, что им никто не помогал. Богачи им денег не давали.

У нас — другое дело. Нам поможет весь народ, нам помогает сам товарищ Сталин.

Я был спокоен. Где бы ни очутился советский гражданин — в тайге, в океане, в степи — родина его не оставит, родина его спасет!

И вот я собрал своих товарищей — Кренкеля, Ширшова, Федорова — и сказал:

— Давайте, братки, думать, что нам нужно для полюса!

Кренкель сказал:

— Мне нужна хорошая радиостанция, чтобы я мог говорить с полюса по радио с Москвой, со всеми, со всей землей.

Ширшов сказал:

— Я буду изучать глубины Ледовитого океана. Мне надо лебедку с длинным стальным тросиком (тоненькой проволокой), микроскоп, и еще шелковые сетки, и всякие приборы.

Федоров сказал:

— Я буду по звездам и по солнцу определять, где мы находимся. Буду следить, куда везет нас льдина. Мне надо много астрономических приборов.

А я сказал:

— Ребятки, мы едем на полюс на целый год. Нам надо хорошую палатку, и электричество для радио, и резиновые лодки, и посуду, и папиросы, и топоры, и еще много всякой всячины. Нам нужен запас еды. Но еда для нас должна быть приготовлена по-особенному, чтобы мало места занимала и чтобы не испортилась.

Для нас все сделали. Приготовили на два года еды в виде плиток и кубиков. Выжали пятьсот лимонов и получилось десять кило лимонного сока. Придумали замечательную палатку. Изготовили точнейшие приборы. Снарядили лучшие самолеты.

Когда все было готово, я сказал:

— А теперь, братки, надо все проверить. Давайте поживем где-нибудь под Москвой, будто на полюсе, и все проверим.

Вот мы погрузили наше имущество на машины и выехали за Москву. Была зима. Кругом лежал снег. Я выбрал полянку.

— Чем не полюс!

Стали разбивать палатку. Укрепили палки, натянули парусину, чехлы из гагачьего пуха. А поверх всего черный брезент с белой надписью: **„Дрейфующая станция“.**

Потом мы надели полярные костюмы: шубы, меховые чулки, шапки с ушами. И стали жить, будто на настоящем полюсе.

Сами себе готовили обед. Бросим кубик в кипяток, получаются щи. Из одной плитки получались котлеты. Из другой — компот. Все было очень вкусно.

Ширшов и Федоров испытывали приборы. Кренкель установил радиостанцию и давай разговаривать с Москвой и с другими городами.

Вечером он сказал:

— Иван Дмитриевич, можно, я съезжу на часок в Москву?

Я напомнил:

— Теодорыч, ты забыл, что мы на полюсе.

Эрнст улыбнулся:

— Но ведь Москва рядом.

И он укатил в Москву. Через час, правда, он вернулся.

Шесть дней мы жили под Москвой. Все проверяли: годится ли палатка? Хороша ли радиостанция? Точны ли приборы? Тепла ли одежда?

Все было хорошо. Мы вернулись в Москву. Я заявил:

— Мы готовы лететь на полюс!

ЛЕТИМ!

И вот на Московском аэродроме выстроились четыре огромных воздушных корабля. И еще один самолет поменьше. На нем один летчик полетит вперед, на разведку.

С нами летят отличные летчики: Водопьянов, Молоков, Алексеев, Мазурук, Бабушкин... С нами летит замечательный штурман Спирин.

Загудели моторы. Поднялся вихрь. Мы забрались в кабины. Провожающие махали шапками, кричали:

— Счастливого пути! Счастливой зимовки! Привет Арктике!

Никто не кричал: „Пишите письма“; ведь на полюсе почтового отделения пока еще нет. Поэтому все просили Кренкеля:

— Передавайте почаще радиограммы!

— Ладно. Счастливо оставаться!

Одна за другой поднимаются тяжелые машины. Летим! Летим на полюс!

Я все беспокоился — хватит ли нам еды? Вдруг нехватит? А ведь на полюсе магазинов нет. Правда, мы запасли вдоволь всего — и мяса, и фруктов, и колбасы, и сладостей. Даже пельмени были. Но мне все казалось — мало. Летчики говорили:

— Иван Дмитриевич, хватит грузить, пожалей нас.

А я все-таки исхитрился. Повсюду насовал всяких продуктов: в крылья, под сиденья, в хвост.

И вот мы прилетели в город Холмогоры. Погода плохая, лететь дальше нельзя. Я решил проверить продукты. Открыл банку с пельменями — а там одно тесто. Стало тепло и пельмени испортились. Пришлось их выбросить. Летчики посмеиваются:

— Что, Иван Дмитриевич, пельмени-то — ау!

— Ничего. Вместо пельменей корову возьму.

Мне очень хотелось привезти на полюс живую коровку. И свинку.

Но летчики не хотели брать корову в самолет:

— Ты бы еще, Иван Дмитриевич, слона привел!

Тогда я прикатил бочонок со сметаной.

— Вот, вместо пельменей.

Сметанку они взяли.

Погода стала лучше, мы полетели. Прилетели в Нарьян-Мар. Водопьянов подходит:

— Иван Дмитриевич, угости сметанкой.

— Пожалуйста.

Беру бочонок, а он удивительно легкий. Заглянул — пустой. Что за диво? Все смеются, заливаются:

— Перехитрили мы тебя, дядя Ваня!

Оказывается, они украдкой проделали в бочонке дырку, и через трубку потихоньку потягивали сметану. Так всю и высосали.

Я говорю:

— Нет, не перехитрили, потому что я вместо сметаны этот бочонок рыбой нагружу.

А сам думаю: „Рыбку-то вы уж через дырочку не высосете". Летчики видят — со мной спорить трудно. Пришлось им взять рыбу на самолет.

Снова заревели моторы. Полетели дальше — на остров Рудольфа.

На Рудольфе мы прожили несколько дней. Погода стояла плохая и лететь дальше нельзя было.

Познакомились с новым спутником. Это был небольшой смышленый пес — сибирская лайка, с острыми ушами, с закрученным в крендель хвостом. Она звонко залаяла на нас. Кто-то сказал:

— Из этой собачки отличный полярник будет! Веселый пес!

Так и осталась кличка — Веселый.

ТАК ВОТ ОН, ПОЛЮС!

Наконец, небо стало чистое, солнышко...

Можно лететь. Теперь прямо на полюс!

Быстро приготовили машину. Она была сильно нагружена. Аэродром на острове Рудольфа круто обрывается над морем. Надо оторваться от земли во-время, не то — гибель.

Но недаром за рулем сидел замечательный летчик Герой Советского Союза Михаил Водопьянов. Тяжелая машина легко взлетела. Мы в воздухе. Курс — на полюс.

Это было 21 мая 1937 года в 4 часа 52 минуты.

Летим очень высоко. Ровно гудят моторы. Мы жадно смотрим вниз. Но там — облака. Иногда видны просветы, „окна". В „окнах" мелькают льды, льды, льды...

Так летим уже шесть часов.

Вдруг штурман Спирин и Женя Федоров в один голос закричали:

— Полюс! Мы над полюсом!

И руками показали Водопьянову:

— Вот он, полюс!

Водопьянов повел корабль на снижение. Все ниже, ниже... Прошли облака. Под ними — туман. Наконец, туман кончился. Водопьянов стал выбирать льдину для посадки.

Долго кружил он над белыми льдами, приглядывался. Наконец, он выбрал огромную льдину и стал летать над ней, прицеливаясь, как лучше сесть.

Машина совсем низко.

Лыжи коснулись льда, заскользили, и машина остановилась.

Мы все, 13 человек, выскочили на лед, стали друг другу жать руки, стали друг друга обнимать, целовать, поздравлять...

Мне кричат:

— Иван Дмитриевич, хозяин полюса, принимай свои владения!

Я оглядывался. Кругом ледяные поля. Так вот он, полюс, который считался недоступным, из-за которого погибло столько смелых путешественников. Теперь на полюс ступили мы, большевики.

Кренкель раскинул радиостанцию. Но что-то там застопорилось. Часы идут, а радио все не работает. Все волновались: мы на полюсе, а никто про это не знает, и наверняка думают, что мы погибли. Кренкель успокаивал:

— Ничего, наладится.

Через одиннадцать часов радио заработало. Мы обрадовались и сразу же передали товарищу Сталину первую радиограмму с полюса.

ЗИМОВКА НАЧАЛАСЬ

Закипела работа. Кто нарезáл из снега кирпичи, кто складывал из них стены для радиостанции, кто разгружал самолет, кто разбирал нарты...

Мы с Петром Петровичем поспорили — какой толщины лед? Долбили-долбили льдину, двадцать раз вспотели, наконец добрались до воды. Толщина льдины — больше трех метров.

Солидно, жить можно!

Скоро к нам прилетели остальные летчики: Молоков, Алексеев, Мазурук. Они привезли лебедку, палатку и Веселого.

Пес забегал по новому месту, стал шнырять носом, принюхиваться. Все смеялись:

— Веселый нюхает полюс.

Летчики разбили для себя легкие палатки. А мы поставили нашу большую, черную, ту самую, в которой жили под Москвой. Мы ее собрали, свинтили, обтянули парусиной, устлали шкурами, пристроили кухню, коридор, и получилось очень хорошо.

Кренкель пошутил:

— Симпатичная квартира со всеми удобствами в центре... Ледовитого океана.

Мы туда вселились и устроили новоселье. За палаткой шумела пурга, выл ветер, а нам было тепло и хорошо. Мы сидели у керосинового огонька, ели вкусные вещи, вспоминали Москву, товарищей, родных...

— Не палатка, — хвалили наш дом летчики, — а настоящий „дворец советов".

Около „дворца советов" стоял ледяной „дворец" — радиостанция. Рядом замахал крыльями наш ветряк — „мельница". За ним стояли нарты с продуктами. Получилась целая улица. Рядом с палаткой развевалось красное знамя с портретом товарища Сталина.

Прошло 16 дней. Все, кроме нашей четверки, стали собираться в обратный путь. Я уговаривал:

— Не торопитесь, поживите еще. У нас хорошо.

— Нет, спасибо! Мы вас привезли, помогли устроиться, пора домой.

Они стали укладываться. Я ходил к летчикам и все просил:

— Отдайте мне, что у вас лишнего. Вы скоро дома будете, а нам тут пригодится все.

И они давали — кто сковородку, кто кастрюлю, кто ведро. А Мазурук подарил даже патефон, и на красной крышке написал:

„Кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет".

А если кто не хотел дарить, я грозился:

— Все отберу, отпущу в одних трусах, все равно вам на юг ехать.

Ведь с полюса куда ни пойдешь, везде юг.

На прощальном обеде я говорил:

— Вы улетаете, мы остаемся далеко от любимой родины. Но наши сердца всегда будут вместе с нашей страной, с большевистской партией, с народом.

Последние поцелуи, последние объятия.

Машины прошумели над нашими головами. Мы машем шапками:

— До свиданья, до свиданья!..

И вот самолеты скрылись. Мы — одни!

— Ну, братки, — сказал я, — зимовка начинается.

Кренкель надел наушники, Федоров стал смотреть в астрономическую трубу, мы с Ширшовым отправились к лебедке.

Работа станции „Северный полюс" началась.

КАНАЛ „МОСКВА — ПОЛЮС"

Работы было много.

Мы занялись „снежным" строительством. Из снега нарезали кирпичей и построили кухню. Из снега же сделали домик для научных занятий Ширшова.

Много возни было с продуктами. Мы разделили все наши запасы на три части и разложили в разных концах льдины. Если льдина расколется и один склад утонет, или его раздавит, — не страшно! У нас останутся еще два.

Продукты мы зарывали в снег, чтоб не портились. Но солнце разрушало наши „холодильники". Первое время оно не хотело заходить и сияло над нами без передышки. Ложимся спать — солнце, встаем — солнце. Все время сплошной день. Мы только по часам узнавали — утро, вечер или ночь.

Солнце грело так сильно, что снег около бидонов с продуктами таял. А ведь там у нас были свежая рыба, свинина — того и гляди протухнут! Давай перетаскивать наши запасы на новое место!

Мы впрягались в нарты и, как добрые кони, перевозили за один прием по 25 пудов груза. Скользко, мокро, то и дело спотыкаемся, падаем, но везем, подбадривая друг друга. Работа нелегкая, от такой работы глаза, как говорится, на лоб вылезали! . .

Вода донимала нас. Все таяло. На льдине стояли озера и моря. Мы плавали по ним в нашей надувной резиновой лодке.

В палатке было сыро. Одежда намокала. Просушить ее было негде. Сухого местечка не найти. Под ногами хлюпало. Но мы не падали духом, шутили, держались бодро. У нас был такой порядок: если у тебя на душе кисло, не подавай виду, крепись!

Около нашего „дворца" текла настоящая река. Я превратился в инженера и построил из досок мост.

Но „река" все ширилась, подбиралась к палатке. Я решил соорудить канал. Взял пешню и продолбил во льду канаву — от палатки до трещины. Так я отвел воду от палатки.

Товарищи прозвали мою канаву очень важно: канал „Москва — Полюс".

Не всегда в полярный день светило солнце.

Нередко оно затягивалось облаками, валил мокрый снег. Часто поднималась пурга, нашу палатку заносило снегом. Но мы на погоду не смотрели. Работали по 17—18 часов в сутки.

Нам надо было многое узнать. Какой глубины океан у полюса? Что делается на дне? Какая вода в океане и куда она течет? Водятся ли в ней животные? Куда везет нас льдина?

Вопросов было много. Ответить на них можно было только после большого труда. И мы трудились.

Мы работали у лебедки. К концу стальной проволоки Ширшов прикреплял сетку, термометр и разные приборы. Все это он опускал в прорубь, чтобы достать с самого дна воду, посмотреть, какая она и что в ней живет. Груз долго добирался до морского дна. Потом мы крутили ручку лебедки и поднимали его. Это была очень тяжелая работа. Шесть часов подряд мы, сменяясь, крутили лебедку. 15 минут крутят Федоров и я, 15 минут — Кренкель и Ширшов. В самый лютый мороз от такой работы нам становилось жарко, мы раздевались чуть не до трусиков.

Зато мы узнали: глубина океана на полюсе четыре километра с четвертью. Это было наше открытие. Раньше никто не знал глубины океана у полюса.

Петя Ширшов нашел в морской воде рачка-бокоплава, медуз и много других маленьких животных. Это тоже было наше открытие. Ведь раньше думали, что на полюсе никакой жизни нет. Ширшов разложил свои находки по банкам, склянкам и радовался.

Мы работали много. Зато спали потом, как убитые. Кренкель, который всегда дежурил по ночам, утром будил нас:

— Орлы, вставайте!

В ответ — могучий храп.

— Орлы, надо ж совесть иметь!

„Орлы“ храпят, как ни в чем не бывало.

Кренкель набрасывается на нас, как лютая тигра:

— Вставайте, что я с вами церемониться буду!

Тогда мы вылезаем из спальных мешков. А Теодорыч ложится. Ведь он всю ночь не спал, сидел у радио, и каждый час выходил смотреть, нет ли трещины, не надо ли переезжать на новую „квартиру“.

Мы завтракаем и принимаемся за работу. Петя либо уходит к проруби на день, а то и на сутки, либо возится со своими скляночками. Без конца он что-то там разливает, переливает, взбалтывает, помешивает — точь в точь аптекарь!

А мы с Женей выходим „на улицу“. Надо узнать, где мы находимся. Ведь мы не стоим на месте. Наша льдина потихоньку увозит нас от полюса, она дрейфует. Мы этого не замечаем, нам кажется, будто она стоит на месте. Женя Федоров наставляет свои приборы на солнце и объявляет „адрес“:

— Сегодня льдина прошла пять километров!

Или десять. Или двенадцать. Наша льдина шла то быстро, то тихо.

Я всегда помогал ему. Он научил меня смотреть на небо и показал, как записывать погоду. Если Женя почему-либо не сможет выйти из палатки, я за него все сделаю. Ведь надо каждый день, во что бы то ни стало, передавать по радио, какая погода у полюса.

Я радовался, что со мной послали Теодорыча, Петю и Женю. Они работают без устали. Часто по двое суток не спят, трудятся в пургу, и в дождь, и в туман. Мы привезли много интересного для науки.

Петр Петрович — большой ученый. Женя тоже настоящий ученый. Все самые важные, самые главные звезды он знает и по имени, и где какая находится, точно он их сам разложил по огромному небу...

Эрнст — замечательный радист.

С такими помощниками не пропадешь!

„ГОВОРИТ ПОЛЮС"

По радио мы каждый день передавали в Москву сводку погоды. По радио мы передавали наши открытия. Это очень важно. Если с нами что-нибудь случится, наша работа не пропадет. О ней уже знают. По радио мы каждую ночь слушали „последние известия". Это нам было вместо газеты.

По радио Москва и Ленинград устраивали специально для нас хорошие концерты. Мы надевали наушники, слушали любимые песни, любимую музыку, и сами тихонько подпевали.

По радио мы узнали, что нас выбирают депутатами в Верховный Совет. Как мы радовались, как гордились этой высокой честью!

По радио мы разговаривали с родными, с женами, с друзьями, и нам казалось, что вот они близко, рядом с нами.

Однажды Кренкель после ночного дежурства не стал ложиться. Мы удивились:

— Теодорыч, почему спать не идешь?

Он надел наушники, не слушает нас. Вдруг лицо его засияло, он улыбался, только не нам, а кому-то еще. Мы тоже схватили наушники. Слышим — детский голосок.

— Кто это, Теодорыч?

Он шепчет:

— Тише, это моя дочка!

Все понятно. Маленькая Люся говорит по радио со своим папой. Она говорила хорошо, гладко, ни разу не запнулась. Счастливый папа Кренкель долго потом не мог заснуть!

Мы очень дорожили нашим радио. Без радио мы были бы оторваны от родины, от всего мира. Никто бы про нас ничего не знал, и мы ничего бы не знали.

Поэтому мы берегли наше радио, как мать ребенка. То и дело чистили его, осматривали. Чуть что — сразу же исправляли. И радио работало хорошо.

Но иногда вдруг затихал ветер. Нет и нет ветра. Крылья ветряка замирают. Замирает и наша электростанция — не дает тока для радио. А тут надо передать статью для „Правды". Как быть?

Мы доставали ручной (вернее ножной) мотор. Он был сделан в виде велосипеда. По очереди мы садились на седло и „катались", крутили педали. Для того чтобы передать статью, мы два с половиной часа „катались" и страшно уставали.

Зато наша статья во-время появлялась в газете.

Кренкелю приходилось много и тяжело работать. Когда замечательный летчик Чкалов летел через полюс в Америку, Теодорыч двое суток не снимал наушников. Мы сидели около него волновались. Кренкель слушал:

— Чкалов летит на Рудольф.

— Чкалов над Рудольфом.

И наконец:

— Чкалов пролетел Рудольф.

Мы обрадовались. Скоро он будет над нами. Мы увидим самолет Чкалова. Валерий сбросит нам письма, газеты, журналы.

Мы, не отрываясь, смотрели на небо. Но оно, как нарочно, было сплошь закрыто облаками. Мы слышали гул Чкаловского самолета, но видеть его не видели. И нас Чкалов не видел.

Я в шутку ругал Петю и Женю:

— Все от вас зависело, браточки. Не могли приготовить чистое голубое небо. А еще мастера погоды!

Когда собирался лететь в Америку Громов, мы по радио передали родным:

— Пришлите нам через Громова посылки, письма, книги — что хотите!

Мы решили нарисовать на льду яркое пятно, чтобы Громов нас заметил. Проваливаясь в снежной каше, мы тащили нарты с краской и прилежно разбрызгивали ее вениками. Сделали громадный оранжевый круг. Ждем. Кренкель сидит у радио, а мы нетерпеливо смотрим в небо. Прошло несколько часов. Вот-вот Громов покажется. Вдруг Кренкель заявляет:

— Слушайте, Громов передает радиограмму: „Завоевателям Арктики — привет!“

— За привет спасибо, — толковали мы, — а где же он сам?

Потом мы поняли. Ведь Громову надо лететь в Америку через полюс, а нас уже отнесло от полюса километров на двести.

Так и улетел Громов с нашими подарками в Америку.

„ДВОРЕЦ СОВЕТОВ“

Дни шли за днями. Шесть месяцев мы уже прожили на льдине. Осталось еще столько же. Но самое трудное впереди. Кончился полярный день. В октябре мы увидели солнце в последний раз. Началась долгая холодная полярная ночь. Ведь на полюсе полгода день, полгода ночь.

Мы оделись по-зимнему. Во „дворце советов“ стало тесно, потому что наши шубы, малицы, куртки, рукавицы, „тапочки“ занимали много места. „Тапочками“ мы называли громадные валенки с отрезанными голенищами. В такой „тапочке“ можно свободно купать годовалого младенца. На тапочки напяливались еще галоши — „пароходы“.

Одеваться при такой тесноте надо было осторожно. Мы всегда помнили: садясь в мешок, не ударься головой об угол стола. Надевая фуфайку, не опрокинь пепельницу и пузырьки Ширшова. Вытягиваясь во весь рост, берегись гайки на потолке.

Но мы привыкли к нашему „дворцу“. Направо от входа — „кабинет“ Кренкеля, радиоприемники, инструменты. Налево — самодельный „буфет“. На полу ящики Ширшова с пробами воды. На ящиках закопченные кастрюли.

Вдоль стены в два этажа — койки. Между койками — зыбкий стол. Над лампой — жестянка. Кренкель всегда заполнял эту жестянку звонкой промерзшей колбасой. Колбаса там оттаивала, нагревалась. Мы перещеголяли лучшие магазины: у нас была горячая колбаса в любое время. Зато с водой стало плохо.

Летом мы страдали от того, что вода везде. А зимой страдали от того, что воды нигде нет. Кругом лед, снег, а воды — ни капельки!

Мы добывали воду из снега. Чтобы приготовить обед, надо было долго растапливать на примусе снег. Поэтому мы воду экономили, берегли, редко умывались и не всегда мыли посуду после обеда или ужина...

ПРОФЕССОР ПО ВСЕМ БОЛЕЗНЯМ

Среди нас был и доктор, он же заведующий аптекой, и медицинская сестра, и профессор по всем болезням. Это был Ширшов. Петр Петрович учился „на доктора" всего лишь несколько недель. Перед полетом на полюс он ходил в больницу, смотрел, как делают операции.

Петр Петрович был сердитым профессором. Поэтому болеть мы опасались и почти не болели. „Доктору" пришлось нас лечить всего два-три раза.

Однажды Женя Федоров плохо себя почувствовал. Ширшов стал его выслушивать, как настоящий профессор. Мне даже надоело смотреть.

— Дышите!

Женя усердно задышал.

— Не дышите!

Женя замер.

— Скажите: а-а!

— Покажите язык!

Женя показал.

— Ну-с, так, — сказал „профессор", — одевайтесь. Все ясно. Надо банки. Немедленно.

А банки нам дали огромные, в стакан величиной.

„Профессор" развел страшный факел, чуть не спалил палатку. Сунул факел в банку и приложил ее к спине Жени. Кожа у бедного Федорова втянулась до самого дна банки. „Профессор" поставил вторую. А на третью у Жени кожи на спине нехватило. Она вся втянулась в банки.

Как-то у меня заболела спина. Я говорю:

— Профессор Ширшов, что-то мне трудно дышать.

Петр Петрович взял докторскую трубку, послушал с важным видом:

— Иван Дмитриевич, у тебя внутри что-то хрипит. Надо натереться скипидаром.

Раз доктор говорит, значит — надо. Я разделся, лег на оленьи шкуры. Ширшов налил себе на руки скипидару. А руки у „профессора", признаться, были не первой чистоты — в копоти, в масле... Вот он стал растирать меня. Что такое? От скипидара руки у „профессора" стали чистые, зато у меня спина стала полосатая, как у зебры.

Все-таки он меня вылечил.

Когда нас выбирали в Верховный Совет СССР, ребята на родине Ширшова, в городе Днепропетровске, распевали:

Все — большие, детвора,
Голосуйте за Петра,
За Петра Петровича,
За Ширша Ширшовича.

Нам рассказали об этом по радио, и мы стали величать Петю по новому: „профессор Ширшович".

„Профессор" и сам любил стихи.

Однажды я увидел: посреди палатки стоит „Ширшович". Перед ним Веселый. Ширшов с жаром декламирует:

— Что может сравниться
С твоими глазами,
Мой пес?
Я вижу, я знаю —
Ты тронут
До слез, —

и после каждой строчки угощает Веселого колбасой. Веселый восторженно виляет хвостом, радуется, и сразу видно, что стихи Ширшова ему по вкусу...

МЕДВЕДИ

Веселый был настоящий полярник. Он устраивал свои „базы" — закапывал в снег остатки своей еды. Он был умный, толковый пес, только слегка вороватый. Частенько он забирался на наши склады. Я его один раз поймал: озираясь, он откапывал мясо. Я с ним, признаться, не стал церемониться и отлупил как следует:

— Не смей сюда ходить!

Что же он сделал? Пока били, он терпел. А потом обошел кругом километра на полтора, чтобы следов не было, и опять забрался в склад.

Пришлось его привязать к нартам. Но это было тоже плохо. Вот что однажды у нас случилось.

Как-то ночью Кренкель вышел из палатки и вдруг как закричит нечеловеческим голосом:

— Медведи! Медведица и два медвежонка! Скорей вставайте!

Мы уже спали. Но тут мы оделись в три счета, выскочили. Видим: Эрнст стреляет в косолапых, а те удирают во всю прыть. Поди, лови их за хвост!

Что тут было с Веселым! Он выл, рвался, метался, тянул за собой тяжелые нарты. Я быстро отвязал его. Он пулей понесся к медведям, но пока мы подбежали, их уже и след простыл.

Мы вернулись в палатку. А Веселый долго еще носился по льдам. Прибежал только через три часа. И все скулил, жаловался, терся у ног, точно он виноват, что упустили медведей.

— Разучились мы охотиться, братки! — сказал я.

— Да, — отозвался Петя, — сейчас не плохо бы поесть свежей медвежатины!

Теодорыч усмехнулся:

— Убили, не убили, это неважно. Важно, что мы видели медведицу, да еще с медвежатами!

Мы стали рассуждать. Если здесь водятся медведи, значит и нерпы должны быть. Ведь медведи ими питаются.

И верно. Через несколько дней я увидел в трещине нерпу. Ну, думаю, полакомимся нерпичьей печенкой. Выстрелил, попал. Но убитую нерпу унесло течением под лед. Экая досада!

Попадался нам и морской заяц — лахтак. В этом „зайчике“ добрых 18—20 пудов. Однажды я много часов просидел с ружьем у трещины, терпеливо ждал зайца, мечтал: „Вот зайчик покажется, буду угощать товарищей свежей зайчатинкой!“

Долго ждал, весь продрог, но глупый „заяц“ так и не показался!

Я утешал себя:

— Не беда! Зато мы сделали важное открытие. Раньше думали, что на полюсе никакой жизни нет. Даже знаменитый Нансен так думал. Но он ошибался. Сколько всякой „живности“ мы уже здесь видели! Петя каждый день достает из морских глубин разных мелких животных. К нам прилетали птицы: чайки, пуночки, чистики... Мы видели лахтака, нерпу, медведей...

Жизнь на полюсе есть! Так и запишем!

Я вернулся в палатку, сел писать дневник. Как начальник станции „Северный полюс“, я каждый день записывал все, что случалось. Иногда от усталости после работы перо вываливалось из рук, но все равно я писал. Пока не запишу, спать не лягу.

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК

Седьмого ноября мы вместе со всей страной праздновали двадцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции.

Засверкали бритвы, мыльная пена покрыла лица, запахло одеколоном. Мы впервые помылись как следует. Вечером мы, чистенькие, сидели за праздничным „столом". Стол ломился от яств. Чего там только не было! И два сорта конфет, и сгущенное молоко, и сыр, и лепешки, и даже кусочек торта, который мы берегли к празднику.

Пировали до пяти утра. Легли спать. Но в девять часов мы все снова были на ногах. Быстро напились чаю. Скорей к радиоприемнику, скорей слушать родную Москву.

Десять часов. И вот мы слышим бой часов на Спасской башне. Мы молча улыбаемся друг другу.

— Тише! — шепчет Кренкель. — Ворошилов выезжает!

Нарком выезжает на площадь. Мы даже слышим цоканье копыт его коня. Вот Ворошилов объезжает войска. Ура-а!.. Играют оркестры, грохочут танки, шумят самолеты . . .

Тускло горит лампа, в палатке температура ниже нуля, а мы сидим закутанные, слушаем передачу из Москвы, и нам кажется, будто мы вместе со всеми на Красной площади.

Потом мы устроили свою демонстрацию. Впереди шел я с флагом СССР. За мной с винтовками двигались Ширшов, Кренкель и Федоров.

Мы прошагали под знаменем с портретом товарища Сталина. Я сказал короткую речь:

— Мы далеко. Но мы не оторваны от родины. Нас любят и нас помнят. Здесь, на дрейфующей льдине, вместе со всем нашим великим народом мы празднуем радостную годовщину.

Вспыхнула ракета, загрохотали выстрелы. Это был наш салют в честь праздника.

Неплохо отпраздновал и Веселый. Мы пригласили его в палатку, каждый дал ему по сосиске, он наелся, улегся на шкуры и заснул.

А мы долго сидели у радио, прислушиваясь к далекой и любимой Москве, где в это время была народная демонстрация.

„ТРОЛЛЕЙБУС“

Нас называли богатырями. В радиограммах мы читали:

„Наши богатыри на Северном полюсе . . .“

„Наши полярные богатыри смело дрейфуют . . .“

Товарищи смеялись над моим небольшим ростом:

— Хорош богатырь! Сознайся, Митрич, когда выступаешь на трибуне, под ножки ящик подставляешь?

В конце концов мы решили на самом деле подобрать себе богатырские имена. Кренкеля — самого высокого — назвали Илья Муромец, Ширшова — Алеша Попович, Федорова — Соловей-Разбойник. А меня назвали лучше всех: Руслан и Людмила.

Однажды в метель два „богатыря“ — „Руслан и Людмила и „Илья Муромец“ — отправились к трещине. Там, за целый километр от палатки, мы изучали воду, ловили сеткой морских животных . . . Был ветер. Глухая темень. Мы кое-как добрались до трещины, ощупью проверили приборы Ширшова и повернули обратно, против ветра. Пурга бушевала. Свет карманного фонарика не мог пробить стену снежинок.

Мы шли, шли, а палатки все нет. Мы брели то против ветра, то по ветру, натыкались на незнакомые льдины, спотыкались, падали, поднимались, опять падали. Прошло часа три Мы выбились из сил. Хотелось спать.

— Скучноватая картинка получается, Илья Муромец, — говорю я Кренкелю. — Мы ведь заблудились.

Кренкель старается говорить спокойно:

— Сам, кажется, говорил: „Дрейфовать, но не дрейфить". Давай, „подрейфуем" еще немного.

Опять побрели. Вдруг я зацепился ногой за доску.

Скоро мы наткнулись на палатку. Ох, и хорошо было отогреваться в ней после беспокойной ночи.

Утром я понаставил столбиков и протянул на них длинную веревку от трещины до палатки. Теперь заблудиться нельзя.

— Вот это хорошо, — сказал Ширшов, — теперь у нас, как в порядочном городе, есть своя троллейбусная линия.

И четыре „троллейбуса" — я, Кренкель, Ширшов, Федоров — отправились вдоль новой линии к трещине — крутить лебедку, изучать глубины Северного океана...

БУРЯ

В работе незаметно бежало время. Наступал новый 1938 год.

Мы устроили генеральную уборку. Теодорыч приготовил из снега две кастрюли воды. Мы вымыли головы, побрились, причесались. Я подстриг „косы", выросшие у Кренкеля.

Большая Земля по радио поздравляла нас с новым годом. Я достал орехи, шоколад, сыр... Каждому выдал по 35 конфет „Мишка на севере". Новогодний „бал" прошел очень хорошо. Только, конечно, елки не было...

В середине января мы увидели красивую зарю. Значит, полярная ночь кончается. Мы обрадовались. Все-таки полярная ночь плохо на нас действует. Мы мало кушаем, плохо спим. Скорей бы солнце! А пока стоят злющие морозы. Пурга все свирепствует.

Наш „дворец советов“ засыпает снегом доверху. Веселый свободно разгуливает по его крыше. Он очень не любит пурги. Как только пурга завоет, наш Веселый начинает визжать, пурга утихнет — умолкает и Веселый.

Но утихала она редко. Часто бывала такая буря, что за два шага не видать друг друга. В такую метель не выйти из палатки. Но ведь Жене Федорову надо работать в ледяном домике. Там у него все приборы.

Тогда мы придумали. Взяли заступы, лопаты и вырыли в снегу длинный ход. Получился туннель. Очень похоже на метро, только не подземное, а подснежное. Теперь в самую злую бурю Женя уходит к себе заниматься.

Но не всегда он мог работать. Нашу льдину толкало так, что все его приборы вздрагивали.

Буря гнала льдину все быстрей. Нас несло на юг, к берегам. Даже неудобно стало говорить, что мы на Северном полюсе. Льдину отнесло далеко от полюса.

Мы начеку, насторожены, как зайцы. А вдруг льдина ударится и расколется? Вдруг оторвется продовольственная база? Мы не трусим, просто не хотим, чтобы опасность застигла нас врасплох.

Я приготовил нарты, собрал все необходимое. Спать стали по очереди.

Но настроение у всех было бодрое.

Нередко Петя Ширшов декламировал нам из Маяковского:

... Сдавайся, ветер вьюжный,
Сдавайся, буря скверная, —
Открою
Полюс
южный,
А северный
наверное.

Снег с шумом падал на крышу палатки. Порой мне казалось, будто мы лежим в барабане. На улице вой, стон, треск, будто стреляют из пушек или трещат моторы больших самолетов. В любой момент льдина может разбиться или перевернуться и потянуть нас за собой. Но братки не унывали. Все мы много в жизни видели опасного и всегда побеждали. Победим и здесь.

ПОЛОСОЧКИ

Наступила памятная ночь — ночь на первое февраля. Мне не спалось. В бурю я всегда плохо спал, все прислушивался, не ломается ли льдина. А буря бушевала уже шестые сутки.

Кренкель дежурил и тоже не спал. Вот он говорит:

— Что, Дмитрич, не спится? Давай, сыграем.

— Давай!

Расставили шахматы, засели.

За палаткой воет ураганный ветер. Снег барабанит по стенкам. Петя и Женя спят. Кренкель наступает, я обороняюсь изо всех сил. Мы засиделись. Часов в пять вдруг слышим — палатка трещит!

— Слышишь, Теодорыч?

— Слышу, Дмитрич! Иди, твой ход!

— Постой, тут не до хода. Пойду, посмотрю, в чем дело.

— Сиди, Дмитрич, я выйду!

Он вышел, а я не знаю, что делать: то ли ход обдумывать, то ли товарищей будить? Кренкель вернулся, стал смахивать с себя снег.

— Ничего не видать, тьма, — он подсел к доске, — все в порядке, играем дальше.

Я сделал ход. Тут палатка опять затрещала. Значит, не все в порядке. Я стал будить Петю и Женю:

— Вставайте, ребятки, что-то наша палатка нехорошо трещит!

Женя высунул голову из мешка, прислушался:

— По-моему, Дмитрич, это просто снег оседает.

А Ширшов говорит:

— Пойду, посмотрю. У меня глаза лучше, чем у вас.

Он живо оделся и вышел. Ходил-ходил, потом вернулся и сказал спокойно:

— Это не снег, это наша льдинка отказалась нас дальше везти. Везде тонкие трещины, как черные змейки.

Тут мы все вчетвером вышли с фонарями наружу. Ветер ударил в лицо, валит с ног, сыплет снегом в глаза.

Кружки света упали к ногам, и мы увидели — наша льдина покрылась полосочками, точно ножом ее изрезали.

— Кто-то сглазил нашу льдину, — сказал Теодорыч. — Пойдемте, выпьем по стаканчику чайку горяченького, обсудим, как быть.

Мы вернулись в палатку, развели примус. Пока грелся чайник, Петя вышел еще раз посмотреть на полосочки. Скоро он прибежал и говорит:

— Товарищи, наши „полосочки" разошлись, стали вот такими, в пять метров шириной.

Мы потушили примус и все вышли на лед. Трещина была не одна. Там, под антенной, мы увидели вторую, потом третью. Одна из них подползла под нашу палатку. Наше ледяное поле раскололось на куски...

— Браточки, когда обходите лагерь, — сказал я, — глядите в оба, не провалитесь в трещину. Если с кем из вас что случится, считайте, что двое пропали — мне тогда тоже не возвращаться. Ведь я отвечаю за вас всех.

В Москву мы послали радиограмму:

„Наметилась трещина под жилой палаткой. Будем пересе-

ляться в снежный дом. В случае обрыва связи просим не беспокоиться. У нас будет все в порядке".

НА ОБЛОМКЕ

„Льдинка" все крошилась. Трещина под нами расширялась. Палатку стало заливать.

— Братки, пора переселяться, — сказал я, — в этой квартире оставаться опасно.

Мы покинули наш „дворец советов", в котором дружно прожили восемь месяцев, и устроились в шелковой палатке.

Теперь мы жили на обломке величиной с футбольную площадку. Вместе с льдинами оторвались и наши продовольственные базы. Однажды Женя и Петя увидели, что некоторые из них дрейфуют среди обломков льда. Мы взяли нарты. Как акробаты, перепрыгивали с льдины на льдину и спасали наше имущество и продовольствие. Теперь нам хватит питания на три месяца.

Мы видели, как плавали наши бидоны с керосином, но спасти их не могли. Мы видели, как среди обломков плавает наша лебедка. Ее тоже нельзя было достать.

Пурга все продолжалась. Ураганный ветер сорвал шелковую палатку. Мы выстроили домик из снега. Все наше продовольствие и имущество сложили на нарты. В минуту опасности их легко перебросить с места на место.

Тяжелое было время. Мы на обломке, а кругом вода, покрытая снегом. Провалишься — товарищи не услышат из-за ветра, не увидят и не найдут в темноте. Тогда по краям нашего обломка мы поставили черные флажки. Это для дежурных, чтоб они не провалились, когда обходят лагерь.

Волновались ли мы? Конечно, немножко волновались. Но мы знали: что бы ни случилось, наша родина не оставит нас в беде.

Мы слушали радио. Вот сквозь льды и штормы к нам спешит маленький „Мурманец". Вот вышли ледокольные пароходы „Таймыр" и „Мурман". Вот вышел в открытое море большой ледокол „Ермак". Все они спешат к нам на выручку. Помощь близка. Так не будем же унывать! Все в порядке! Работа станции „Северный полюс" продолжается!

В назначенное время Эрнст передавал сводку погоды, Женя следил за тем, куда несет нас обломок льдины. Петя, как всегда, изучал океан.

Однажды Женя вбежал в палатку, закричал:

— Вылезайте! Медведи пришли!

Эрнст не поверил:

— Ладно, ладно!

— Скорей! Честное слово!

Я схватил ружье, выскочил из домика. Верно — медведи! Целая тройка!

Веселый заливался, лаял, путался среди косолапых. Я боялся, что пули попадут в него.

Прицелился, давай стрелять. Всех трех уложил. И Веселого не задел.

Я наварил огромную кастрюлю медвежатины. Сели обедать. Братки все подставляют тарелки:

— Мне, Дмитрич, побольше!

— Мне полней!

— Мне еще порцию!

Я думал, что хватит медвежатины дня на четыре, а братки всю кастрюлю в один день очистили.

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ...

Третьего февраля мы впервые после многих месяцев увидели солнце. Красное, большое, оно выглянуло из-за горизонта. Мы обрадовались.

Но еще больше мы обрадовались, когда однажды ночью увидели вдали луч прожектора.

Первый его заметил Кренкель. Мы уже спали. Эрнст хотел было нас разбудить, но подумал: а вдруг это просто звезда, ребята меня тогда засмеют. Но звезда становилась все светлей, все ярче. Теодорыч решил: нет, это не звезда, это прожектор советского корабля! И давай нас будить:

— Товарищи, товарищи, смотрите, что там светится!?

Мы вышли, посмотрели.

Ура! Помощь совсем близко, там, за льдами.

Я завел патефон. Мы слушали любимую песню:

Широка страна моя родна-ая...

А потом к нам прилетел самолет. Первый самолет за девять месяцев! Летчик ловко посадил машину на лед. Я побежал к нему. Это был Власов. Мы обнялись, расцеловались. От волнения оба не могли говорить. Только жали друг другу руки и все обнимались.

Власов привез нам письма, мандарины, пиво, и улетел показывать кораблям дорогу к нашей льдине.

Утром мы в бинокль увидели: далеко за льдами темнеет дымок. Это пароходы. Они разводьями идут к нам. Женя и Петр Петрович побрились, потом стали пересматривать нарту с тетрадями. Эта нарта нам дороже жизни. Здесь 52 килограмма исписанной бумаги. В этих тетрадках — раскрытые тайны Северного океана и Северного полюса. Это наш подарок науке, нашей родине!

„Таймыр“ и „Мурман“ подошли к нашему обломку. Восемьдесят человек с пароходов бежали к нам с красным знаменем. Мы вчетвером пошли к ним навстречу. В море, у берегов безлюдной Гренландии, встретились советские люди. Моряки хотели было броситься к нам, обнять нас... Но начальник экспедиции Остальцев скомандовал:

— Смирно!

Он подошел ко мне, вытянулся:

— По распоряжению правительства корабли „Таймыр“ и „Мурман“ прибыли в ваше распоряжение! Жду приказаний!

После этого нас стали обнимать, целовать и качать. Каждый старался взять что-нибудь на память. У меня оторвали кусок куртки. У Кренкеля кусок штанов. Брали на память консервы, шоколад, промерзшие, твердые, как кирпич, книги.

Сами берут и просят:

— Подари чашку!

— Сделай надпись на книжке!

— Подари бульонный кубик!

Я им сказал:

— Берите все, только научные записи не трогайте.

Тут начались споры — на какой пароход нам пойти. Таймырцы говорят:

— Идите к нам, у нас для вас каюты шелком обиты, чистая ванна приготовлена.

А мурманцы отводят нас в сторону и, посмеиваясь, шепчут на ухо:

— Не ходите на „Таймыр“, там у них клопы.

Куда же пойти? Решили бросить жребий. Написали записочки, положили в шапку, внимательно следили, чтобы жульничества не было.

Мы с Кренкелем вытянули записки с надписями „Мурман“, Ширшов и Женя — „Таймыр“.

Веселый, конечно, пошел на „Мурман“ вместе со мной.

Моряки спросили:

— Иван Дмитриевич, с кем же Веселый в Москве жить будет?

Я ответил:

— Мы решили подарить его дочке Сталина — Светлане.

Все наше имущество перенесли на корабли.

Я подошел к Кренкелю:

— Теодорыч, передай последнюю радиограмму!

Кренкель передал рапорт товарищу Сталину о том, что работа станции „Северный полюс“ кончается. Вот последние слова рапорта:

„КРАСНЫЙ ФЛАГ НАШЕЙ СТРАНЫ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗВЕВАТЬСЯ НАД ЛЕДЯНЫМИ ПРОСТОРАМИ“.

Все. Можно сниматься.

Кренкель выстукивал:

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ. 19 ФЕВРАЛЯ 1938 ГОДА 16 ЧАСОВ. РАБОТУ СТАНЦИИ СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС КОНЧАЮ.

Он оборвал провода. Мы пошли к пароходам.

Я вернулся, еще лучше укрепил флаг, чтоб его не сорвало ветром, и догнал остальных.

Прощай, льдина!

МОСКВА

За девять месяцев мы впервые помылись как следует. За девять месяцев мы впервые сбросили с себя шкуры, меха и переоделись в хорошие костюмы. За девять месяцев мы впервые лежали не в меховых мешках, а на прекрасных кроватях в теплых каютах.

Матросы заботились о нас, точно о маленьких:

— Папанин, не хотите ли покушать? Кренкель, не хо-

тите ли попить? Не мешает ли вам музыка? Удобно ли вам в каюте?

Когда мы спали, мимо наших кают ходили на цыпочках.

Потом мы пересели на ледокол „Ермак". Там о нас заботились не меньше.

Наконец, после многих дней плавания, мы увидели советские берега. Мы ступили на родную землю. В Ленинграде нас встречали сотни тысяч людей.

Так встречать своих братьев может только могучий, свободный народ. Словами об этом не расскажешь.

Но вот — Москва.

Москвичи заполнили улицы.

— Папанинцы! Привет папанинцам! Ура папанинцам!

Цветы, музыка, цветы... Мы едем в Кремль...

Раньше я Сталина видел только издали, а вблизи — никогда.

Я волнуюсь, даже мурашки проходят по телу. Я иду впереди со знаменем, а родные браточки за мной. Мы вошли в большой зал. И вот я вижу Сталина, Молотова, Ворошилова...

Я подошел к товарищу Сталину:

— Дорогой, горячо любимый, родной наш Иосиф Виссарионович! Разрешите вам доложить, что задание нашей родины по изучению полюса выполнено с честью!

И тут наступила минута, которую я никогда не забуду: Иосиф Виссарионович обнял меня и крепко поцеловал.

Волнуясь, я вручил ему красное знамя. Это знамя было с нами там, на Северном полюсе...

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Нявремыта	5
Питы палатка	9
Манл'ув!	15
Там л'ув, полюс!	19
Зимовка ол'ынгтыйл'ыс	22
Канал „Москва — Полюс!	26
„Куркыт“	29
„Полюс потыртл'“	33
„Дворец советов“	38
Иса кашет профессор	40
Мойпырыт	44
Велика емынг хатл'	48
„Троллейбус“	51
Пухрем	54
Ишпиет	57
Ай енгк шуп ухтыны	61
Хол'ыева, хол'ыева, хол'ыева...	65
Москва	70
Приложение. Русский текст	73

Библиотека

Ответственный редактор *К. Ф. Хватай-Муха.*
Технический редактор *И. С. Берникова.*
Корректор *П. И. Кудрявцева.*

Сдано в набор 25/VIII 1939 г. Подписано к печати 9/V 1940 г. Формат бум. 70×93$^{1}/_{16}$. Печ. л. 7+$^{5}/_{8}$ вклеек. Уч.-авт. л. 5,88+0,39 вклеек. Бум. листов 3$^{1}/_{2}$+$^{5}/_{8}$ вклеек. Учпедгиз № 12717. Леноблгорлит № 2120. Тираж 850. Заказ № 3048.
Бумага Камского бумкомбината.

Типография Лениздата № 3 им. Коминтерн.
Ленинград, Красная ул., 1.

29

100842004
Окружная библиотека

36092

Цена 2 р. 50 к.

И. Д. ПАПАНИН — „На полюсе"
на ледяном поле